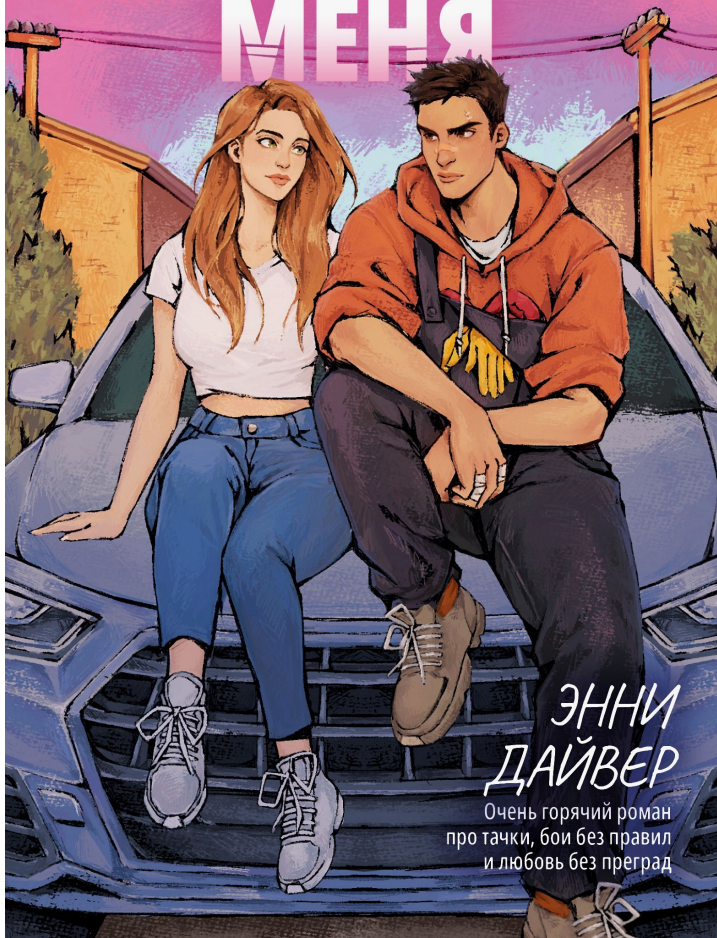

ТЫ НЕ ДЛЯ МЕНЯ

ЭНИИ
ДАЙВЕР

Очень горячий роман
про тачки, бои без правил
и любовь без преград

Энни Дайвер

Ты не для меня

Серия «Trendbooks»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73960607

Энни Дайвер. Ты не для меня: Клевер-Медиа-Групп; Москва; 2026

ISBN 9785002527854

Аннотация

Их страсть заставляет забыть про любые условности. Но что, если реальная жизнь победит? Яркий и чувственный роман о тачках, боях без правил и любви без преград.

«Ты не для меня» – история о горячей любви и запретных отношениях с жестким и притягательным героем.

Гордей идет к успеху с самого низа. Его жизнь – борьба в прямом и переносном смысле. Его цвет – черный, вокруг него царит беспросветная тьма, пока не появляется Саша Лихачева, младшая сестра его лучшего друга.

Саша озаряет своим светом все: автосервис, в котором работают парни, картины, которые она рисует, и непростую жизнь Гордея. Между ней и Гордеем искрит так, что окружающие краснеют. Их страсть заставляет забыть про любые условности. Но что, если реальная жизнь – долги, предательство и боль – победит? Что, если они не смогут выбрать друг друга?

Если вы ищете книги-романы с живыми и харизматичными героями, книги 18+ про любовь, любовные романы с горячими сценами, современные романы для молодежи и книги для подростков, книга роман «Ты не для меня» для вас.

Эта книга про любовь (книга 18+) – увлекательная художественная литература взрослая для приятного вечера, художественная литература для тех, кто выбирает романы российских писателей и книги про любовь в российском сеттинге.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	40
Глава 4	48
Глава 5	56
Глава 6	62
Глава 7	68
Глава 8	73
Глава 9	81
Глава 10	94
Глава 11	105
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Энни Дайвер

Ты не для меня

© Энни Дайвер, 2025

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2026

Пролог

Пожалуйста, перестань мне звонить. Хватит. Хватит. Хватит!

Телефон замолкает, но через несколько секунд снова начинается трель, перебивающая музыку в салоне. Давлю на газ, надеясь, что скорость поможет мне отключиться от происходящего. Он чувствует меня слишком хорошо, несмотря на испорченные отношения. Знает, когда я совершаю что-то безумное, и всегда пытается помешать либо звонком, либо присутствием.

Мне приходит сообщение:

Саша, немедленно возьми трубку.

Я сжимаю крепче руль и возвращаю взгляд на дорогу. Я не могу ответить, я занята. Мне не до разговоров. К тому же ни один из них за последние два месяца не привел нас к взаимопониманию. Сложные отношения – словосочетание, которым идеально можно описать атмосферу в нашей семье.

Когда телефон звонит в очередной раз, я паркуюсь на ближайшей заправке – их здесь на удивление много – и наконец поднимаю трубку.

– Что, пап? Мы заняты с девчонками, – вру, нервно облизывая губы. Рука дрожит на руле, и я прячу ее под бедром, чтобы не видеть собственного страха, потому что я не сме-

лая, а отчаянная. И мне больше нечего терять, кроме себя самой. – Не слышала.

– Где ты, Александра? – звучит укорительное вместо приветствия, будто он разговаривает с секретаршей, которая покинула рабочее место, не предупредив босса.

– Мы... в торговом центре. Я ведь говорила, что мы пройдемся с девочками по магазинам, – продолжаю поддерживать собственную ложь. – Что-то случилось? – силюсь улыбнуться, чтобы голос стал теплее и приятнее. Выходит нервно, даже надрывно. Ощущение, что он видит, как я сбегая, что где-то в шее у меня чип слежения, который в режиме реального времени транслирует, куда я еду и даже о чем думаю!

– А столько налички тебе зачем?

Черт. Черт. Черт! Он все знает. Догадался. Понял.

Взгляд мечется между колонками. Что ему сказать? Господи, он же прямо сейчас прилетит за мной.

– Саша, ты слышишь меня?

– Д-да, конечно, слышу. Сеть плохо ловит, видимо. Я здесь в уголке встала, чтобы тебя услышать. – Слова вылетают убедительно, но внутри совесть давит на мозг, вынуждая во всем признаться.

«Взрослые не бегут от проблем, Александра, они их решают».

Слова отца эхом звучат в голове. Но если бы мне хватило сил на открытое противостояние, я бы ни за что не уехала. И нет, взрослые еще как бегут от проблем, просто они делают

это тихо и не выставляют напоказ. А я... я не бегу, я просто на время выхожу из гонки, чтобы подлатать раны и вернуться в следующем сезоне с новыми силами. Снимаюсь с соревнований, как делают спортсмены, дошедшие до предела своих возможностей. Жизнь – игра вдолгую, и здесь важны не только рывки, но и своевременные перерывы.

– И?

– Я же сказала! Не слышно, что ли? Тут в магазине терминал не работал, что-то с интернетом. Пришлось снять деньги, чтобы купить пару нарядов.

– Пару? Саша, это слишком. Ты столько не заработала, чтобы так легко тратить. – Он вздыхает. Слышу, как на стол опускается тяжелый стакан.

– Это подарки после дня рождения. Ты ведь сказал, что эта сумма моя. – Тру ладонью шею, выдыхая с облегчением. Он должен вспомнить. Я не взяла у него ни копейки за последние шесть месяцев, сама рисовала арты на заказ и откладывала часть с повышенной стипендии.

– Ладно. Потратила так потратила. Фотографию пришли. Посмотрим, что там за тряпки.

– Хорошо. Вечером, пап. Мне уже пора, девчонки ждут.

– Береги себя, Александра. И не делай глупостей.

– Пока, пап, – отключаюсь первой и бросаю телефон на пассажирское сиденье.

Уткнувшись лбом в руль, кричу. Так громко, что начинает гореть в груди. От боли, досады, от безысходности. Зажму-

рившись, дышу. Раз, два, три. Понемногу отпускает, и я, дав слабину, снова собираю себя по кусочкам. Потому что мне во что бы то ни стало нужно выбраться из задницы, в которой я оказалась. А это возможно, если перестанешь жалеть себя и начнешь действовать. Нужно всего лишь оттолкнуться от дна и не переставать плыть, изо всех сил работая руками, ногами и головой. Поэтому я снова беру телефон в руки, пишу брату, что буду у него через полтора часа, и, окончательно успокоившись, возвращаюсь на трассу. Остается только надеяться, что он не выгонит меня, когда узнает о побеге из дома.

Глава 1

– В этой дыре кто-нибудь есть? – раздаётся голос откуда-то издалека, но тут же тонет в гуле и грохоте выхлопной трубы.

Сложив руки рупором, уворачиваюсь от черного дыма и кричу своим напарникам что есть сил:

– Всё, глуши!

Запах застарелого бензина скребет по горлу и врывается в легкие. Глаза слезятся от сажи, вылетающей с каждым надрывным оборотом двигателя, и я прячу лицо в сгибе локтя, надеясь хотя бы сегодня не надыхаться.

Подобное частенько случается, когда в автосервис привозят старые гнилые корыта, за которыми хозяева не удосуживаются хорошо следить. Для них машина – это рабочая лошадка, инструмент с ограниченным сроком службы, предназначенный для перевозки человека и нужных ему вещей из точки А в пункт Б. И пока она на ходу, никому не интересно заглядывать под капот и делать что-то, кроме смены резины весной и осенью.

– Да возьми же трубку наконец! – снова доносится раздраженное из-за ворот.

Я вылезаю из смотровой ямы. Согнувшись, упираюсь ладонями в колени и интенсивно прокашливаюсь до першения в горле, попутно едва не выплюнув легкие. Подняв голову,

обвожу взглядом гараж. Мы работаем здесь вчетвером – дружеский бизнес, который мы сколотили и неплохо развиваем, занимаясь любимым делом. И, наверное, нас можно назвать отбитыми на всю голову, раз нам нравится перебирать старые железяки и дышать машинным маслом дни напролет, но мы всего-навсего фанаты своего дела.

В паре метров от меня стоит Ник. Но он, аккуратист-чистюля, не торопится подходить и просто смотрит, ожидая дальнейших команд.

– Загоняй на чекап, – говорю я, выпрямившись. – Снизу – хлам. Если внутренка бодрая, посмотрим, что можно сделать.

Никита кивает и записывает информацию в тетрадь учета. Мы не борцы с современными технологиями, но, когда руки по локоть в масле или антифризе, первое, что выходит из строя, – техника. А вот карандаши и тетради не подводят.

– Нас очень просили подшаманить, – заходит Ник издалека, намекая, что над тачкой придется попотеть в любом случае.

Сдерживая рвущийся наружу мат, отхожу к кулеру и набираю в стаканчик воду. Жадно выпиваю. В горле появляется приятная спасительная прохлада, и я на несколько секунд прикрываю глаза, а затем повторяю, нарочно испытывая терпение Никиты:

– Мы не всесильные.

Пожав плечами, я иду к раковине. Пригонят развалюху, а

потом просят сделать из нее конфетку. Мы можем, конечно, и не такое чинили. Вот только не стоит забывать, что конфета все-таки из гнилья. Придумать им, что ли, строчку в договоре: с состоянием авто ознакомлен, претензий не имею?

– Бабки нам не помешают.

Еще один филигранный тычок в совесть. Язык у Никиты подвешен что надо благодаря родителям, которые хотели вылепить из сына дипломата, пока парень не завис в электронике и не решил, что возиться с тачками в разы интереснее. И негласно именно Ник отвечает за общение с клиентами, будучи самым вежливым.

Деньги, деньги, деньги. Они нужны всегда, их никогда не бывает достаточно. Всегда будут новые запросы, амбиции, аппетиты. Захочется лучшего, более престижного. Не существует окончательной планки комфорта, она неизбежно поднимается, как только привыкаешь к прежнему уровню. В восемнадцать мне казалось, что первая съемная квартира – верх благополучия после детдомовских общих спален. Сейчас, пять лет спустя, собственная квартира в не самом плохом районе города уже не прельщает, и я хочу дом с бассейном. Но все упирается в количество нулей до запятой на счете – в финансы, без которых не прожить. Вот только ради них не стоит браться за любую работу. Жаль, я понял это слишком поздно.

С цепи готов сорваться Пирс – наш сторожевой пес. Он тянет поводок и с остервенением бросается к воротам.

– Пирс, фу! – отдаю команду. – Иди сюда!

Он слушается и, виляя хвостом, двигает ко мне.

Останавливаюсь у изрядно поржавевшей раковины и подставляю руки под холодную воду, смывая грязь и гарь. Намылить – вспенить – смыть. Повторить до удовлетворительного результата.

Веду пальцем по рыжему пятну – мойка в сервисе тоже причисляется к расходникам, потому что не выдерживает количества химии. Но самое обидное, что новую покупать не имеет смысла – через пару месяцев она станет такой же.

Оттерев ладони, наконец умываюсь и тру шею. Холодная вода бодрит, и вот, несмотря на начавшийся в шесть утра рабочий день, я снова свеж и полон энергии. И это всего лишь три часа дня.

На телефон прилетает сообщение. Хорошо вытираю руки вафельным полотенцем, чтобы не убить новый мобильный, уже третий за месяц. Первый утонул в тосоле, второй утопился в душе. Гаджеты и жидкость – вещи несовместимые.

– Я подключаю тачку? – то ли спрашивает, то ли утверждает Никита, и по интонациям я уже знаю, что он все решил. Да и выбора у нас, собственно, нет.

– Подключай, – соглашаюсь на проверку. – Через пару часов посмотрим. Может, хотя бы с электрикой там нормально, – пожимаю плечами и выхожу на улицу. На этом мои полномочия все.

– Савелий! Тащи сюда свою задницу! Сава! – с улицы раз-

дается женский крик, эхо которого доносилось совсем недавно, а затем кто-то стучит в ворота с такой силой, будто бьет по ним кувалдой.

Пирс, не дождавшись моего появления, снова рвется к калитке и звонко лает. Да что ж такое! Вздыхаю. Вот так всегда. Наивные девочки западают на гонщиков, а последние уносятся от них с той же скоростью, с какой отдаляются от стартовой линии после сигнала.

Мы с Ником переглядываемся. Я жестом показываю, что разберусь.

– Открывай немедленно! Ты слышишь?

Я выхожу ровно в тот момент, когда девчонка перестает колотить наши ворота и агрессивно тычет в экран своего смартфона. Первым делом я замечаю тачку – «Ауди Ку 5», беленькая, отполированная. Уверен, в ней полный фарш. Еще и салон обтянут бежевой кожей – чистый секс.

Перевожу взгляд на властелиншу колец. Девчонке лет двадцать на вид, не больше. Длинные прямые светлые волосы, нахмуренные брови, взгляд стервы и недовольно поджатые губы. Стройная, симпатичная, но Сава с другими и не тусит. Задерживаюсь на тонких ключицах, небольшой груди и оголенном из-за короткого топа животе. На руках золотые кольца, парочка браслетов с модными цветочками, в ушах серьги-кольца. Честным трудом, как и на тачку, на такие цацки в юном возрасте не заработать. Значит, «ауди» либо от богатых родителей, либо от какого-то папика.

Девчонка смотрит на меня, оценивает, в восторг не приходит, но это понятно: у Савелия при скверном характере ангельская внешность, на которую клюют девочки. А вот мрачные неразговорчивые брюнеты популярностью не пользуются.

– Ты не Сава. Где он? – хмурится и снова утыкается взглядом в телефон, словно я обслуживающий персонал, недостойный внимания.

Закатываю глаза. Где Савелий находит таких стерв и почему они его возбуждают?

– Встречи с фанатками после заезда. Разворачивайся и уматывай, – киваю в сторону дороги.

Наш гараж в одном из тупиков, это удобно: сюда не суются те, кого здесь не ждут. Ну кроме вот таких вот случайных дам с разбитым сердцем.

– Уеду, как только увижу Савелия. Позови его. Он ведь здесь? Мне сказали, он в гараже. – Девчонка прикладывает телефон к уху и недовольно сопит. Ну точно, маленькая капризная мажорка, которой достаточно топнуть ножкой, чтобы и новенькая тачка, и айфон последней модели, и поездка куда-нибудь к океану с пляжами из белого песка.

– Его здесь нет, – отвечаю сдержанно, делая скидку на, возможно, впервые разбитое сердце.

– А где он?

Савелий вот уже два часа как тестирует машину на треке. Через пару месяцев ралли, на котором мы планируем забрать

как минимум призовое место и заручиться поддержкой новых спонсоров. Если, конечно, Сава не убьет тачку раньше безумными проверками.

Тесты – важная часть в жизни любого гонщика. Проверить, как ощущаешь себя в руле, как ведет себя машина – без этого невозможно эффективно и безопасно пройти трассу. Потому что гонка – это стресс, а в стрессовых ситуациях ты неизбежно опускаешься до уровня своей подготовки, теряя напускную браваду. И чем выше уровень, тем больше шансов не просто первым пересечь финишную черту, а банально остаться в живых.

– Понятия не имею, – вру, не моргнув и глазом. Не в моих правилах выдавать друзей, особенно спесивым девицам. – Слушай, девушка, прыгай в свою тачку и уезжай. Савелий сам с тобой свяжется, если посчитает нужным.

– Просто позови его. Я не могу дозвониться до него вот уже два часа! Если он спит там в гараже... – Она, миновав меня, решительно ныряет в калитку и идет к зданию.

Пирс тянет цепь, бросаясь к девчонке. Она тормозит на полсекунды, смотрит на овчарку, и наш грозный охранник стихает под ее взглядом. Садится и, склонив набок голову, смотрит, как женщина своим присутствием собирается осквернить мужскую обитель.

– Эй-эй-эй! Тормози. – Я хватаю ее за руку и дергаю обратно.

Девчонка влетает в мою грудь, но тут же упирается ладо-

нью и отстраняется. Мое дыхание сбивается всего на мгновение, в пояснице странно щекочет, но ощущения быстро исчезают. Смотрю на незнакомку в упор, она грозно сводит брови на переносице.

– Убери от меня свои руки! – толкает в грудь, не жалея сил.

В солнечном сплетении пульсирует легкая боль, быстро расходясь слабыми отголосками по грудной клетке. Вместо того чтобы поступить, как просит девчонка, я перехватываю ее увереннее, держу не сильно, но достаточно крепко. Кожа у нее нежная, бархатная, и мой большой палец импульсивно пускается в исследование вверх по впадинке на предплечье.

Тут же себя останавливаю. С другим мы девушек не делим.

– Больше никаких забегов по территории.

Перехватываю ее увереннее. Держу крепко, но при этом осторожно, опасаясь причинить боль. Мне нужно, чтобы она стояла на месте и не пыталась сбежать.

– Ты кто вообще такой?

– Не заводись, – рявкаю в ответ, закатывая глаза.

Вдох-выдох. Держи себя в руках, Бессонов, пока девчонка не устроила истерику и не залила слезами пол.

У нее уже глаза на мокром месте и подбородок дрожит. Нашла из-за кого реветь. Савелий уже больше года живет в ветреном режиме, частенько меняя девушек. Причем он не скрывает своей позиции и открыто заявляет, что дольше,

чем на пару ночей, он не задержится. Но каждая упорно надеется, что станет той самой, которой под силу влюбить бабника.

Я придушу этого идиота, как только он вернется. А потом отдам на растерзание девчонки, она филигранно справится с препарированием его мозгов.

– Я отпущу, только если ты не будешь ломиться в гараж. Идет?

– Я должна убедиться, что Савелия там нет, – отвечает снисходительно, словно я должен был ковровую дорожку ей постелить, и дует губы.

Приплыли. Еще я обиженок не утешал.

– Его там нет. Если бы был, я бы сам его к тебе вытолкал. – Потому что мне не нужны проблемы. А бешеная девчонка в моих руках (к чему я уже начинаю привыкать) – именно что большая проблема.

– Не верю! – выкрутившись из захвата, она разворачивается и на спринтерской скорости несется в гараж.

Я бросаюсь за ней:

– Ты совсем без мозгов, что ли? – нагоняю ее в два счета и сгребая в охапку.

Прижав девчонку спиной к своей груди, поднимаю над землей. Она легкая и тоненькая, таких держать одно удовольствие. А еще от ее волос приятно пахнет кокосом и чем-то еще. Втягиваю аромат увереннее, слишком явно наслаждаясь.

– Пусти, придурок! Ты что себе позволяешь? Да тебе Савелий голову открутит! – сыплет угрозами, пока я тащу ее к выходу.

Она дергает руками и ногами, и задача не уронить ее практически невыполнима.

– Посмотрим. Может, спасибо скажет, что я его от истерички избавил, – отвечаю в такой же резкой манере и ускоряю шаг, надеясь избавиться от этой сумасшедшей как можно быстрее. Женщина в гараже, как и на корабле, – не к добру.

За воротами трещит придавленный шинами гравий. Кто-то паркуется у выезда и дважды жмет на гудок. Стайка птиц испуганно срывается с рядом стоящего дерева. Кажется, герой-любовник пожаловал. Девчонка замирает в моих руках. Мы оба смотрим на ворота. Через несколько секунд в калитке появляется Сава. Он в гоночном костюме, молния на груди расстегнута, волосы растрепаны. Смотрит на нас, и улыбка тает на лице – вместо нее зреет недовольство. До меня не сразу доходит, что девчонку надо отпустить, потому что она не моя. Я откровенно туплю, даже когда она лупит мне по колену ногой.

– Бес, ты совсем уже, что ли? – вместо приветствия произносит друг, и я осторожно ставлю блонди на землю, не без сожаления убирая руки. – Какого черта ты зажимаешь мою сестру?

Глава 2

В смысле сестра? Откуда она вообще взялась? Савелий говорил, что он не поддерживает связь с семьей. А тут... сестра, нагрянувшая в гости? Это шутка, что ли?

– Сава, ну ты где был! Я звоню тебе несколько часов! – возмущается девчонка, срываясь к Савелию, пока я соображаю. Склонив голову набок, откровенно рассматриваю вид сзади – зараза, красивая со всех сторон.

Родственнички обнимаются, о чем-то переговариваются, и я наконец начинаю замечать сходство. У них почти одинаковые профили, схожие улыбки и манера говорить, немного растягивая слова.

– Прости, я был на треке. – Сава ведет себя как настоящий старший брат. Покровительственный тон, снисходительная улыбка и умиление, которое бывает только в присутствии младших. – Не обижайся только. Я правда тебя ждал, даже убрался вчера.

Не слышу, о чем они говорят дальше, – в кармане звонит телефон, и я отхожу в сторону, сдерживая ругательства. На экране ненавистное имя. Марина, она же Мари. Ничего хорошего после этих звонков не бывает.

– Привет, Мари, – все-таки отвечаю я, хотя тянет нажать на отбой. – У тебя что-то срочное? Я весь в масле.

Ложь – мой постоянный спутник. Бытовое вранье вошло в

привычку давно. Я вру, когда стремлюсь избежать разговора, обманываю, чтобы получить желаемое, и отчаянно лгу, когда мне пытаются залезть в душу. Не бывает на сто процентов искренних людей, обман везде, главное – правильно его использовать и никогда не врать самому себе. Окружающие все равно не запомнят меня, забудут, как только пропаду из их поля зрения, я же останусь с собой до самого конца.

– Я писала тебе, Гордей, – начинает елеяно, но я слишком хорошо знаю эту женщину. Ничего милого в ней нет, одна жестокость и жажда наживы. – Ты не ответил. Мне нужно подтверждение на вечер послезавтра. Готов выйти на новый уровень?

Я не готов физически. Морально – уничтожил всех.

– Это последний турнир? – В моем голосе отчетливо сквозит надежда. Она всегда появляется в последний момент, когда я начинаю думать, что пора отпустить руки, сдаться. Жалкий луч света, который не может осветить окружающую темноту, но с появлением которого приходит и вера в лучшее.

– Если станешь чемпионом, то да. Вес супертяжелый. Надеюсь, ты набрал форму за тот месяц, что я тебя не видела, – не спрашивает, а утверждает, точнее требует, чтобы лучший выставочный образец был готов к назначенному сроку.

И от этого становится не по себе. По шее и вдоль позвоночника пробегает холодок, неизвестно откуда взявшийся на июльском солнцепеке. Боковым зрением улавливаю го-

рячо спорящих родственничков. Зачем-то сосредотачиваюсь на девичьей фигуре, скольжу по изгибам и совсем уж нагло задерживаюсь на упругой заднице.

Мари постукивает по столу, и этот звук возвращает меня к насущным проблемам.

Не нравится мне все это. Мутно. Супертяжелый вес – это вообще другой уровень, причем как по подготовке, так и по деньгам. Здесь больше спонсоров, но больше и рисков. Ставки всегда высоки. Плюс этой категории – они не зависят от лиги, каждый турнир коммерческий. Выступают в основном спортсмены, закончившие карьеру, и любители типа меня, для которых драки – способ поднять побольше денег.

– Я точно ее не растерял.

Тру переносицу и качаю головой. Вчера вечером весы показывали восемьдесят девять ровно. Мне не хватает всего килограмма, чтобы попасть в категорию, но лучше набрать три, чтобы сравняться с главными соперниками. Только где их взять? Чрезмерные нагрузки в зале забьют мышцы. Я не смогу правильно двигаться во время боя, а значит, вылечу на старте. Есть и простой путь – превысить норму калорийности, сменив рацион с правильного питания на бургеры, колу с сахаром и чипсы. А дальше отеки сделают свое дело, и я легко войду в категорию.

– Хорошо. Взвешивание послезавтра утром, потом за час до боя. Ты и сам все знаешь. Не забудь заглянуть. Я тебя жду. – Интонации Мари меняются, и если бы я не знал сути

наших взаимоотношений, то решил бы, что Мари со мной флиртует.

Отвратительно.

– Буду. – Я завершаю звонок.

Пригладив волосы пятерней, наконец оборачиваюсь к светловолосым родственникам, невольно переключаясь с хмурой волны на их позитив. Эти двое вообще не замечают никого вокруг, болтая, как лучшие друзья.

Сава широко улыбается. Его сестра уже не злится и обещает что-то приготовить на ужин, спрашивает, чего бы хотел старший брат. Он ерошит ее волосы, а она забавно дуется и обещает плюнуть в его тарелку. За грудиной тянет, и я отворачиваюсь. Не хочу нарушать семейную идиллию.

Возвращаюсь в гараж. Смотрю на корыто, которое Ник еще не забрал на диагностику. Вроде нормально выглядит снаружи, но под защитой – одни развалины. Тут, наверное, должна быть метафора на то, что я такой же, но к черту это все. Я нормальный, просто в какой-то момент жизни мне повезло чуть меньше, чем сверстникам.

Открываю журнал, проверяю ближайшие записи. У нас забито все. Сегодня – последний день тишины, а дальше – две недели плотной работы, после которой силы остаются только на душ и еду. Если я переживу бои без сильных травм, буду считать себя везунчиком. Быть между молотом и наковальней всегда тяжело.

Освобождаю бокс для машины Савелия. Мы его немного

захламили сегодня, оставили пустые канистры и грудой свалили инструменты. Растаскиваю все по местам, искоса по-сматриваю на милый разговор родственников, задерживаюсь дольше на девчонке. Красивая она. Девочка-война, у которой дерзкий язык компенсируется яркой внешностью. Она снова смеется, запрокидывает голову, и я скольжу взглядом по ее длинной тонкой шее ниже, к выпирающим ключицам. Еще вниз, к маленькой упругой груди. Испытываю острое желание пройти весь путь не только взглядом, но и руками, потому что прекрасно помню мягкость кожи и сносящий крышу запах.

Тряхнув головой, возвращаюсь в свою реальность. Своенравные малышки – не мое, с ними слишком много проблем. Они ломают вообще все, что не вписывается в систему их координат, и настраивают заново под свой привычный уклад. В общем, мимо. Я еще не вошел в зону комфорта, чтобы из нее выходить.

Сосредотачиваюсь на работе, игнорируя сестру друга. Так правильнее и безопаснее. Навожу порядок. Закончив, сгружаю канистры в мусорный мешок, который тащу к бакам. По пути глажу Пирса. С тех пор как эта девчонка появилась на территории гаража, он ни разу не гавкнул, зато хвостом виляет так, будто планирует взлететь. Савелий тоже пышет счастьем, а Ник с любопытством поглядывает на девушку посреди мужского царства. Словом, все в слепом восхищении. Даже я, только в отличие от остальных отказываюсь это при-

знавать.

– До вечера! – Девчонка наконец уходит, и я спокойно выдыхаю. Одной блондинистой проблемой меньше.

– Бес! – окликает меня Савелий.

Закинув мешок в контейнер, оборачиваюсь. Друг подходит ближе, кладет руку мне на плечо:

– Саня мне все рассказала. Я погорячился, извини. Это дурацкие братские инстинкты сработали, когда увидел вас вместе.

Киваю. Мне извинения особо и не были нужны. Если бы мою младшую сестру кто-то зажимал, я бы нарисовал ему пару фонарей под глазами. Наверное.

– Все нормально. Сам виноват. Думал, это очередная фанатка.

– Упаси бог, – моментально отзывается Савелий, скидывая ладони. Мы вместе смеемся. Мало кому хотелось бы фанатку с таким взрывным характером, как у этой девчонки. – Забыл тебя предупредить, что приедет моя любимая сестра Санька.

– Такая любимая, что ты никогда не рассказывал о ней?

Мы заходим в гараж, тут немного прохладнее, чем на улице, где жара шпарит так, что лишний раз показываться на солнце нет никакого желания. Сава сразу идет к кулеру и открывает дверцу висящего над ним шкафчика, который мы скромно именуем буфетом. Он достает свою кружку, банку с растворимым кофе и, подняв бровь, вопросительно смот-

рит на меня. Я неопределенно веду плечом. Он берет вторую кружку и делает кофе нам обоим.

– Это сложная история. Мы общаемся с ней, и довольно часто, но наш отец не в восторге. Он считает, раз я ушел из семьи, больше не имею права контактировать ни с кем из родственников. – Савелий говорит спокойно, но явно напряжен, хоть и пытается казаться равнодушным. – Мне проще никому не рассказывать о ней, чем фильтровать информацию.

– Понял.

На самом деле я вообще ни черта не понял. Но другу бесполезно задавать вопросы, когда он, как сейчас, уходит в глубокую задумчивость. Надо оставить его минут на десять, может, потом продолжим.

Савелий подает мне кружку, вторую оставляет себе. Один глоток, второй. Движения – механические, осознанности – ноль. У меня тоже мозги набекрень. Падаю в кресло, решая устроить пятиминутный перерыв, прежде чем залезу под капот очередной машины. Мышцы приятно расслабляются. Еще бы массаж умелыми пальцами, и можно сразу в рай.

– Слушай, Гордей, – вдруг говорит Сава, оказываясь рядом со мной.

Открыв один глаз, смотрю на него.

– Я понимаю, что у вас с Сашей первое знакомство вышло так себе, но она хорошая девчонка, – начинает слишком уж

издалека, и моя уютно устроенная в кресле пятая точка чувствует подвох. – Взбалмошная, немного на своей волне – да. Но она добрая и заботливая. – Он улыбается, уходя в воспоминания: – Давай сегодня у меня поужинаем? Сашка останется до конца лета, заодно познакомитесь по-человечески, все равно часто придется пересекаться.

* * *

Конечно, я соглашаюсь. Савелий – мой близкий друг, и, если для его душевного спокойствия мне один вечер нужно побыть пайнкой, я готов. В целом это не так уж и сложно – молчи, улыбайся, вовремя поддакивай, когда кто-то говорит.

По дороге домой заезжаем в кофейню и покупаем чизкейк, чтобы задобрить девчонку ее любимым – по словам Савелия – десертом. Я выбираю первый попавшийся на глаза и молча расплачиваюсь – в гости с пустыми руками не ходят.

– Есть что-то, что мне нужно знать о твоей сестре? Ну там, что нравится, что нет. На какие темы стоит говорить, а какие лучше обходить стороной? – спрашиваю, когда мы паркуемся во дворе.

– Ты собрался с ней болтать? – смеется Савелий.

Он прекрасно знает мою «любовь» к разговорам: пустой треп не для меня. Может, поэтому из друзей у меня только парни из автосервиса? Я никогда не задавался вопросом, почему так сложилось, и меня это совершенно не волнует.

Главное – не количество друзей, а их качество.

– Ты же просил подружиться. Или планы поменялись? – смотрю на коробку с чизкейком.

Запаковали его красиво, как самый вкусный подарок. Но он такой неуместный в моих руках – я же ни разу не милый, это не для меня. А купить что-то решил скорее по инерции. Дружбой с Савелием я дорожу. Три года назад он помог мне выбраться из глубокой жизненной ямы, и мы вместе готовили его к ралли, а потом решили открыть автосервис. К нам чиниться приезжает полгорода, нас четверо в команде, еще два механика приходят по необходимости, но в последнее время все работают почти без выходных.

Утром и вечером мы обычно гоняем, обсуждаем планы на заезды и готовимся к турнирам. Днем – ремонтируем тачки, тюнингуюем и делаем все, чтобы машинки бодро ездили по улицам города. Еще есть дни, когда приходится заниматься бухгалтерией, сидеть на телефоне и носиться по инстанциям, доказывая, что у нас все в полном порядке с документами.

И мои персональные вечера и ночи, когда я готовлюсь к турнирам или пропадаю в клубе, потому что у меня новый бой. В последнее время такие вечера я ненавижу сильнее всего.

Раньше бокс был моей отдушиной. Когда умер отец, мать не придумала ничего лучше, чем отдать меня в секцию, потому что не могла справиться с моим характером. Я долго отказывался заниматься, прогуливал занятия, пока не отхватил

персонально от тренера. В четырнадцать я получил первую медаль и заработал собственные деньги. Призовые были маленькие, но для меня тогда это не имело значения – это была честно заработанная сумма, которую я хотел потратить на новую форму и, конечно, на подарок маме.

Не сложилось. Мать уже тогда сильно пила, поэтому стоило мне рассказать о деньгах, как она отобрала все. С тех пор заработок приходилось прятать – и мы начали ссориться. Я пытался уговорить ее на лечение, но она, не справившись с проблемами в жизни, искала смысл на дне стакана. В шестнадцать я остался один и попал в интернат. Бокс стал необходимостью, которая помогала мне избегать реальности. Я жил турнирами и тренировками, упухивался до седьмого пота, чтобы только не видеть обшарпанные стены и не общаться с местной шпаной.

В восемнадцать меня пинком под зад выдворили из интерната. Я не жалел, ушел оттуда с радостью, но, вернувшись в раздолбанную родительскую квартиру, понял, что жить здесь не хочу: в каждой вещи было столько тоски и боли, что я сам неосознанно потянулся к бутылке. Опомнился, решил, что нужно что-то менять.

Тогда Мари показалась мне спасением. «Голд» – это закрытый клуб, в котором проходят коммерческие турниры. Я получал такие деньги, о которых мои сверстники не могли даже мечтать. Тренер, узнав, чем я занимаюсь, выгнал меня из команды. Выбор не осталось – я с головой окунул-

ся в бои. Это не было высшей лигой, это была элита. Здесь не просто дрались, здесь зарабатывали деньги. И я зарабатывал. Даже купил квартиру в приличном доме, продав родительскую за бесценок. Правда, расплачиваюсь по кредитам до сих пор, хотя бои давно уже не приносят удовольствия. это способ быстрее отдать долг и закрыть этот спорт для себя раз и навсегда.

С Савелием нас свела жизнь, когда я уже практически оказался на самом дне. После очередного турнира я полз домой, избитый как никогда: мы дрались по правилам ММА, чтобы было жестко и зрелищно, и меня здорово отделали. У дверей подъезда столкнулся с Савой. Оказалось, что наши квартиры находятся напротив на одной лестничной клетке. Так и познакомились. Сдружились. Я до конца своих дней буду ему благодарен за то, что не бросил и показал жизнь за пределами «Голда».

Поэтому чизкейк и милая беседа с его сестрой – меньшее, что я могу сделать.

– Нет, планы все те же. Вы – самые близкие для меня люди, – вздыхает Савелий и трет шею.

Мы выходим из тачки Савелия. У меня своих колес нет – в гараже стоит гоночный «Хендай», тоже машина Савелия, но езжу на ней только я, а он вполне спокойно относится к тому, что я беру авто, когда мне надо: машина не должна застаиваться, тем более укомплектованная на все сто. Но сегодня не было необходимости ее брать: мы уезжали на Сави-

ной, завтра поедем на работу так же.

– Я уже понял, что ты сильно любишь сестру, можно не повторять, – улыбаюсь. Поднимаю голову и считаю окна Сава. В кухне-гостиной горит свет. Сто лет не возвращался домой, чтобы кто-то ждал. Это, кажется, было в прошлой жизни, когда деревья были большими, а солнце светило ярче. – Обещаю быть паинькой.

– Не верю ни на секунду. Просто после такого знакомства не поубивайте друг друга, – блещет оптимизмом Сава.

Поднимаемся в квартиру. Савелий открывает ключом. Заходим внутрь. У него нет коридора, и с порога сразу начинается кухня-гостиная.

Взгляд выхватывает яркое пятно. В красной майке и коротких клетчатых шортах у плиты танцует девчонка. На весь дом играет что-то испанское, она двигается плавно, красиво; хорошо чувствуя музыку, крутит бедрами. Мой взгляд приклеивается к ее заднице, выглядывающей из-под шортов. Плыву ниже по длинным стройным ногам, пока девчонка не заходит за препятствие в виде кухонного островка.

– Саш, мы дома! – кричит Сава как раз, когда девчонка соблазнительно изгибается, подпевая в силиконовую лопатку. С пучком на голове она выглядит забавно, но при этом сексуально.

Тело реагирует однозначно – под кожей вспыхивает пожар. Я со свистом втягиваю воздух, чтобы хоть немного себя остудить. Моя реакция на малознакомую девчонку катастро-

фически неправильная, особенно после речи Савы о том, что мы для него самые близкие люди.

– Савелий! – заметив нас, она тушуетя и отворачивается к плите. Что-то сосредоточенно мешает, а свободной рукой поправляет майку, которая не скрывает ровным счетом ничего.

Снимаю кроссы, наступая на задники, и прохожу в гостиную. С усмешкой оглядываю девчонку, пробуя ее имя. Саша, Александра – красиво и благородно, со вкусом.

– Ты мог предупредить, что будешь не один? – рычит, размахивая лопаткой словно валькирия мечом, так же резко разворачиваясь к нам лицом. На груди проступают пятна – то ли от злости, то ли от жары. – Я не готовилась к гостям. И что значит «мы»? – растерянно мечется между нами и почему-то краснеет. – Он, – бросает на меня пренебрежительный взгляд, – живет с тобой?

Закатываю глаза. М-да, терпение мне точно понадобится.

– Во-первых, не с тобой, а у тебя, – мягко отвечает Савелий, мастерски игнорируя эмоциональный выпад сестры и оставляя только суть. – И во-вторых, нет. Гордей – наш сосед и мой хороший друг. Гордей, знакомься, моя родная сестра – Саша.

– Приятно познакомиться, – улыбаюсь, продолжая пялиться на ее ноги, тонкую талию и грудь, которая виднеется в вырезе майки.

– А мне нет.

Веселый нас ждет вечерок.

– Саня! – предостерегает Савелий младшую сестру.

– Ну что? – не сдается девчонка. – Он... – делает паузу, что-то там думает в своей красивой, но стервозной головушке, а после разворачивается ко мне лицом: – Ты мне нагрубил, а теперь пришел делать вид, что ничего не произошло?

Да уж, девочка-петарда. Подхожу ближе. Выставляю коробку с чизкейком на кухонный островок, опускаю ладони на поверхность. Саша зеркалит мою позу и подается вперед, ждет ответа. В зеленых глазах пляшут черти, а в уголках губ замирает ухмылка. Я оказываюсь втянут в игру, правила которой мне не сообщили. Вижу, как пульсирует венка на шее, – девочка предвкушает нашу дуэль, облизывает губы кончиком языка, не догадываясь, насколько развязным выглядит у нее это простое действие. Тяжело сглатываю и первым опускаю взгляд, впервые уступая девушке.

– Я от своих слов не отказываюсь, – пожимаю плечами.

Савелий шлепает ладонью по лбу, Саша роняет лопатку на островок.

– Но я готов к перемирию. Это, кстати, тебе, – двигаю коробку по столешнице.

Она смотрит настороженно, но я улавливаю нотки любопытства. Саша, наклонившись к коробке, медленно вытягивает воздух. Она принюхивается, что ли? Странная-престранная девчонка. Взбалмошная, взрывная, агрессивная – полная противоположность Савелию. Этот хоть и любитель ад-

реналина, но привык держать все под контролем. Они вообще родные? Хотя внешнее сходство...

Саша открывает коробку. Взгляд ее с осторожного меняется на удивленный, а потом и вовсе вспыхивает радостью. В зеленых глазах задорно пляшут маленькие чертенята, она улыбается, в предвкушении потирает руки и снова облизывает пухлые губы. Красивые, персиковые, такие хочется целовать, кусать и... стоп. Мы тут не для этого, да и девчонка... одним словом, девчонка.

Она, заметив, что мы на нее пялимся, вздергивает подбородок и прячет улыбку. Высокомерно нас оглядев, хмыкает и кивает мне:

– Ты угадал со вкусом. Спасибо. – Столько льда в голосе, что впору доставать виски, колу – и мешать коктейль.

– Это значит «можешь остаться с нами на ужин»? – смешок вырывается из моего горла быстрее, чем я могу представить реакцию девчонки.

Она ожидаемо закатывает глаза и морщит нос:

– Это значит: чизкейк не спасет тебя, если ты продолжишь общаться со мной в таком тоне.

– В каком?

Да она сумасшедшая! Я не сделал ровным счетом ничего. Что в ее голове-то? Опилки, кричалки и вопилки? Ну повздорили немного, с кем не бывает. Она пыталась вломиться в наш гараж, я остановил. Как еще разговаривать с наглými девицами? Тогда-то я думал, что она сумасшедшая фанатка.

Оказалось, просто сумасшедшая.

Тру переносицу и искоса посматриваю на Саву. Если здесь случится взрыв, я не виноват.

– В снисходительном. Если тебе что-то не нравится, не надо притворяться, – считывает меня в два счета. Она психолог, что ли? Или у меня лицо с субтитрами?

Да, мне не нравится, что какая-то пигалица решила выесть мои мозги чайной ложечкой. И я вообще ни черта не понимаю, почему до сих пор делаю вид, что меня это не бесит. Такие девчонки обычно сопротивляются до того момента, как оказываются прижаты к стене. А потом... искра, буря, безумие.

Черт. Опять мысли не в ту сторону сворачивают, стоит взглянуть на упругую грудь под тонкой тканью майки. Неа, с Сашей у меня ничего не будет. Ее эмоции меня утопят быстрее, чем мы разденемся. Сжимаю челюсти до скрежета зубов. Смотрю на Сашу исподлобья. Взгляд не то чтобы угрожающий – просто держащий в тонусе, но девчонке хоть бы хны. Стоит с победным видом, еще чуть-чуть, и грудь колесом выпятит.

Мы закипаем. Между нами электризуется воздух. Разряды слабой силы уже летают вокруг. Нагнетаем обстановку.

– Всё, брейк, – вмешивается Савелий, легонько толкая меня плечом.

Я часто моргаю, мельком смотрю на друга и возвращаю взгляд к Саше. Она на своей волне, смотрит на меня с вызо-

вом, и мое тело реагирует: от мозга к рукам идет импульс. Схватить, утащить – первые желания, от которых подскакивает пульс, но вместо этого я просто сжимаю кулаки.

– Саша, прячь колючки, Гордей с миром пришел. – Я даже удивлен, что Сава встает на мою защиту. Видимо, он и сам понимает, насколько непростая у него сестрица. – Давайте, что ли, ром откроем, чтобы сбавить градус напряжения? Потому что вам двоим, – поочередно тычет в нас указательным пальцем, – тоже придется подружиться. Я не собираюсь все лето вас разнимать, – заявляет строго, будто старший брат не только для девчонки, но и для меня. – А хорошая пьянка еще никому не вредила.

– Я за! – отзывается Сашка.

– Пас, – качнув головой, возвращаюсь к девчонке. Она произносит одними губами «зануда» и закатывает глаза. – У меня послезавтра бой. А еще мне надо взять откуда-то два с половиной кило, чтобы не вылететь из категории.

Саша вспыхивает интересом за долю секунды. Оценивает меня с головы до ног, точнее, получается, от паха до макушки. Не стесняется ни капли, будто в ее мире это нормально – быть настолько открытой.

– Ты дерешься? – Она подается вперед, упирается локтями в стол, скрещивает пальцы и опускает на них подбородок. – Что именно?

– Бокс, ММА, – подпитываю ее любопытство.

Девчонка, кивнув, отворачивается к плите. Что-то там

шаманит: перемешивает, перекладывает, щедро засыпает сыром и, справившись, возвращается к нам.

– Ну все, приехали. Ты зря это сказал, – вздыхает Сава, который уже стоит у кухонного шкафа и достает три тарелки и столько же стаканов.

– А зрителей туда пускают?

– Саша, ты туда не пойдешь! – Савелий произносит это так строго, что даже я подумываю не идти. Но той хоть бы хны. Избалованная. – Это место не для тебя.

– Ну пожа-а-а-алуйста.

Никогда не видел такого рвения у девчонок. Они обычно хотят посмотреть до первого удара, а потом причитают и говорят, что больше ни ногой. Сашино желание выглядит искренним, да и по характеру она точно не похожа на тех девушек, которые испугаются первой крови. Эта, скорее, ухмыльнется и продолжит наблюдать.

– Нет! Саша, мы туда не пойдём.

– Почему? – едва не топает она ногой от возмущения.

Ей вообще когда-то в жизни говорили нет? Маленькая капризная зараза.

Сава не успевает ответить – в кармане звонит телефон. Он достает его торопливо, смотрит на экран, затем на нас:

– Лёха. Я должен ответить, – вздыхает.

Алексей по оптовым ценам поставляет нам детали, причем находит лучшие, в качестве которых сомневаться не приходится.

– Не поубивайте тут друг друга, – бросает напоследок, прежде чем выйти из комнаты.

Мы остаемся вдвоем. Я без зазрения совести снова плююсь на Сашу. В очередной раз отмечаю, что она красивая. Еще шорты эти короткие и майка на тонких бретельках, не скрывающая почти ничего...

Нам не о чем говорить. Тишина звенит. Девчонка сервирует островок, через который мы перебрасывались колкостями. Я молча наблюдаю. Савелий ненавидит тут есть, предпочитает стол. Мне же, наоборот, нравится. Судя по выбранному месту, мы с Сашей в одной команде. Совпадение отзывается странным спазмом в груди. Мы не похожи, у нас нет ничего общего, кроме Савы – как бы странно это ни звучало, – но, кажется, мы нашли первый камушек в фундаменте приятельских взаимоотношений.

– Правда хочешь посмотреть бой? – делаю еще один шаг навстречу, возрождая беседу.

Я настроен так же, как и Савелий. Нечего там делать девчонкам, хотя, когда после боя в раздевалке ждет своя, которую можно обнять и поцеловать на адреналине, – это непередаваемое чувство. Но Саша не моя, пригластительных у меня нет, поэтому интерес мой исключительно праздный. Конечно, я могу договориться с Мари и выбить парочку пригластительных. Для своего лучшего бойца ей ничего не жалко. Только оно того не стоит. Бой, пусть даже по всем правилам, зрелище не для слабонервных.

– Да! – моментально отзывается Саша и улыбается во все тридцать два зуба. – Хочу увидеть, как тебе надерут задницу.

Глава 3

– Я надеру твою, если скажешь это еще раз, – заявляет убийственно спокойным тоном высокомерный гад. Он смотрит прямо, в упор, наверное, от такого взгляда девочки превращаются в желе. Я тоже на мгновение теряюсь, даже дыхание спирает. Вдох замирает в горле, кусаю губы.

Мы пытаемся испепелить друг друга взглядами. Гордей проверяет, сколько я выдержу. Он не двигается с места, как чертов змей, гипнотизирующий свою жертву. Вот только фиг ему, а не жертва.

– Ты недостойн даже смотреть на нее, – хмыкнув, криволю рот, будто вижу какую-то противную букашку. Не знаю, почему продолжаю колоть его в ответ. Я вообще не такая, обычно я вполне нормально общаюсь, с друзьями только взбалмошная и немного безумная, но это не идет ни в какое сравнение с желанием натянуть броню, когда мы с Гордеем оказываемся в одном пространстве. И да, эта броня с шипами, которые я не стесняюсь выпускать, стоит парню открыть рот.

Он не понравился мне еще в первую встречу, когда пытался выставить из гаража. Я злилась: несколько часов за рулем, пусть и с перерывом, вымотали меня. Еще Савелий, как назло, не брал трубку. Я должна была забрать у него ключи от квартиры и обосноваться там. Поваляться в ванной, разло-

жить вещи, приготовить вкусный ужин. А вместо этого носилась по всему городу и искала брата. К моменту нашей первой встречи с Гордеем я была заведена до предела. Уставшая, голодная, на стрессе и недовольная – и тут какой-то мачо, решивший, что он может рассказывать девочкам, куда идти. Терпеть не могу зазнавшихся парней. Вот и начала отвечать.

Возможно, это все из-за недосыпа. Три дня я спала по четыре часа, а то и меньше. Видимо, нужно основательно отоспаться, чтобы прийти в норму и больше никому не грубить. В частности – лучшему другу брата, если я действительно планирую здесь остаться. Так будет лучше и для меня, и для Савелия, который не станет задавать слишком много вопросов.

На плите что-то шипит, выкипает. Не думая ни секунды, оборачиваюсь. Это тефтели решили убежать! Выключаю конфорку и хватаю второй рукой крышку. Горячо! Жар обжигает пальцы. Вскрикнув, бросаю крышку в раковину и встряхиваю рукой. Второй пытаюсь взять лопатку, чтобы перемешать и проверить, не пригорело ли. В глазах стоят слезы. Руку печет с каждой секундой все сильнее. Пальцы краснеют. Я теряюсь в пространстве. Даже в глазах, кажется, темнеет от боли. Или это потому, что я жмурюсь и продолжаю шипеть, втягивая воздух через стиснутые зубы, будто это поможет. Не замечаю, как за моей спиной оказывается Гордей. Он осторожно подталкивает меня к раковине, придерживая за плечи. Сам открывает кран и, схватив меня за запястье,

подставляет пострадавшие пальцы под воду.

Вода остужает. Мне становится легче, я уже почти ровно дышу. Боль, что еще мгновение назад пронзала руку от кончиков пальцев до плеча, отступает. Пальцы все еще горят, но прохлада успокаивает. За шумом воды не сразу слышу, как грохочет в груди сердце и как шумит в ушах оттого, что кровь слишком быстро несется по венам. Прихожу в себя. Пелена слез больше не застилает глаза. С облегчением выдыхаю и опускаю плечи. Слышу за спиной тихий смешок и моментально вытягиваюсь как по струнке.

Боль от ожога была невыносимой? О нет! Мои лопатки сейчас сгорят от того, что Гордей прижимается к ним. Это прикосновение невинное, он просто мне помогал, пока я растерялась. Смотрю на его руку, которая все еще держит мою. Сильные пальцы обхватывают запястье надежно и крепко, но не больно. На его руках проступают вены, я вижу очертания мышц. Я плююсь.

В горле пересыхает, когда Гордей наклоняется ко мне. Его дыхание скользит по моей шее, как шелковый платок. Обманчиво-ласково, слишком интимно. Я облизываю сухие губы и давлюсь воздухом. По коже бегут мелкие мурашки, выдавая меня с головой. Он мне не нравится. Не должен нравиться, и все, что происходит со мной сейчас... это исключение из правил.

Это что-то странное, ненормальная реакция на раздражитель. Желудок сжимается, я напрягаю живот. Я не бо-

юсь, просто растеряна. Все еще не понимаю, как действовать. Мысли скачут одна за другой. Ударить его локтем? Наступить на ногу? Развернуться и бросить очередную колкость? Угрожать ножом? Его, как назло, нет под рукой.

– Если не хочешь, чтобы я пялился на твою задницу, носи шорты подлиннее. – Он говорит тихо, но четко.

Сглатываю ком в горле. Это безумие какое-то! Гордей наклоняется через мое плечо и смотрит на мои пальцы. Они все еще красные, но боли уже нет. Есть только дикая неловкость и спазмы внизу живота, которые всегда приходят с волнением.

– Что ты делаешь? – все-таки пихаю его локтем. – Со мной все нормально, и я бы справилась сама! – шиплю разъяренной кошкой.

Бесит! Неизмеримо раздражает! Нельзя вот так вот трогать не своих девушек, прижиматься к ним и шептать всякие двусмысленные фразочки.

Поворачиваюсь к Гордею лицом. Его взгляд падает в вырез майки, затем бесстыже скользит по ногам. Он смотрит беззастенчиво, а я чувствую себя перед ним голой. Поправляю майку и испытываю непреодолимое желание надеть штаны, причем максимально свободные, чтобы этот гад не мог меня рассмотреть.

– Да я заметил, блестяще справляешься, – кивает, то ли соглашаясь со мной, то ли издеваясь дальше.

Сволочь! Наглая симпатичная сволочь! Нет, никаких сим-

паций, даже если это объективно. Темные глаза, смуглая кожа, широкие плечи. Гордей и правда выглядит как... нет, не с обложки. Скорее, как парень, завирусившийся в соцсетях, который открывает рот под музыку и демонстрирует подписчицам свои кубики. Только вот чернота глаз настораживает, есть в них что-то опасно-притягательное.

– Так и есть, – рявкаю обиженно. Тру запястье, избавляясь от фантомного ощущения его прикосновений. – Подвинься, ты мешаешь, – снова схватившись за лопатку, перемешиваю тефтели.

С ними полный порядок, в отличие от меня. Немного выкипел соус, но это не испортит вкус блюда.

По кухне разливается запах гари. Схватив тряпку, оставляю сковороду на доску, чтобы не вымазать стол, и аккуратно вытираю поверхность плиты. Она горячая, мои движения быстрые, короткие. Щеки горят: я ощущаю на себе взгляд Гордея. Это невозможно. Чувствую себя так, будто иду по подиуму, а не стою на кухне. Под наблюдением теряюсь – я не привыкла к пристальному вниманию в бытовых делах. Одно дело в универе, в клубе, на улице – там таких вот взглядов хоть отбавляй. Я уже даже не реагирую на них. Есть и есть. Но сейчас Гордей будто видит ту сторону меня – домашнюю, уютную, заботливую, – которую я показываю далеко не всем, а только самым близким и тем, кому я доверяю.

– Так, я закончил! Вы тут что-то сожгли? – Савелий появляется как раз вовремя, разрушая гнетущую тишину.

Молчание у нас крайне тяжелое, оно сдавливает грудь тисками, так что нереально сделать вдох.

– Соус выкипел, – виновато поджимаю губы. Это все мое рвение ввязаться в новый спор с плохим парнем. В том, что Гордей – бэдбой, нет никаких сомнений. Весь его демонстративно-отстраненный вид кричит об этом. Еще бои эти. Ну точно.

– Ладно, главное, что все целы.

– Точно. – Я натянута улыбаюсь. Мне неудобно. Гордей и Савелий стоят по обе стороны от меня, каждый на расстоянии метра. Я между ними как между молотом и наковальней. Уши горят, и ноги дрожат. Я снова ощущаю себя полностью раздетой. Только вот если Гордей моими не слишком выдающимися формами восхищается, то брат, наоборот, хмурится. – Вы садитесь пока. Я сейчас приду. Испачкалась, надо переодеться, – и, не глядя на несносного гада, прячусь за дверь своей комнаты.

* * *

Выбрав широкие карго и лонгслив, возвращаюсь к парням. Они успели переместиться с островка за низкий кофейный столик в зоне гостиной и выключили верхний свет, оставив только подсветку, которая создает особую атмосферу. В такой нужно говорить по душам и делиться сокровенным. Наверняка идея Савушки – он самый открытый из нас.

– Твоя тарелка тоже здесь, садись. – Савелий машет мне рукой и двигается на диване, освобождая для меня место. Он сегодня в режиме миротворческой организации, стремящейся примирить двух противников и закончить череду препирательств, о которой не знает, но чувствует напряжение.

Гордей сидит в кресле и даже не смотрит на меня, словно это не мы устроили словесную пикировку десять минут назад. Он неохотно ковыряет вилкой тефтели, как будто в его тарелке фарш с истекшим сроком годности. Может, пересолила? Или они сырые внутри? Черт, нужно было попробовать одну, а не надеяться на ловкость рук.

– Ну как? – спрашиваю, нервно улыбаясь. Стоило заказать пиццу и не позориться в первый же вечер.

Парни отвечают одновременно.

– Вкусно.

– Съедобно.

– Съедобно? – Мои брови подлетают вверх от удивления.

Гордей наконец поднимает голову и смотрит на меня долго и внимательно, будто ждет, что я спрошу дальше и продолжу ли мысль вообще. Мне же хочется развернуться и позорно сбежать, как девчонке. Кажется, сейчас он видит меня насквозь: знакомьтесь, врушка Саша, которая грубит всем подряд, чтобы только от нее отстали, и которая сбежала из дома, потому что отказалась идти на поводу у отца.

Переступаю с ноги на ногу. Взгляд у Гордея тяжелый, давящий. Как сканер, от которого невозможно спрятаться. Все

внутренности уже просвечены, и остается только вздернуть подбородок и гордо расправить плечи, признавая, что все мы, может, из одного теста, но при этом разные.

– В смысле нормально, – тут же поясняет бесцветно и опускает голову. – Еда как еда.

– Ты не умеешь делать комплименты, ты в курсе? – падаю на диван и тяну к себе тарелку. Сначала нюхаю, потом пробую. Это не «нормально» – это потрясающе! Я ответственно заявляю, что превзошла саму себя. Вот только по моей маленькой победе проходит танкер по имени Гордей.

– Если я сделаю тебе комплимент, ты обязательно поймаешь.

Да уж, веселые будут деньки.

Глава 4

Людей в клубе с каждой минутой все больше и больше. Некоторые сидят за столиками, другие стоят у стены в несколько плотных рядов и ждут, когда же начнется поединок.

У нас тоже есть столик, маленький, в самом углу, отсюда не очень хороший обзор и придется стоять, но это лучше, чем оттоптать все ноги из-за неуклюжих и нетрезвых посетителей. Музыка качает, басы проникают под кожу, вибрация будоражит и заставляет замирать в предвкушении. Туда-сюда снуют официанты, кто-то танцует, отвоевав свободный клочок.

Я смотрю на подсвеченный ринг. Сейчас там танцуют девушки, завлекая публику. Народ свистит, мужчины лапают фигуристых красоток взглядами. Атмосфера захватывает. Здесь происходит что-то запретное, от адреналина покалывает кончики пальцев.

Савелий придерживает меня за плечо. Он до последнего меня отговаривал. Уверена, если сейчас я скажу, что хочу уйти, он выведет меня отсюда за пять секунд. Брат до сих пор считает меня маленьким неразумным ребенком, за которым нужен глаз да глаз. А мне нужно просто немного развеяться и отвлечься, посмотреть бой, возможно, выпить бутылочку пива и расслабиться. Все. Я не ищу приключений, мне хоро-

шо здесь и сейчас. Вокруг люди, эмоции, среди этой суеты легко потеряться, забыться, раствориться. То, что нужно.

Мы садимся за столик. Пришлось доплатить за хорошее место – ну как хорошее, нормальное, где нас не затопчут. Гордей договорился только о бесплатном проходе, дальше уже ориентируемся сами. Я делаю пару фотографий на память. К нам подходят, предлагают сделать ставки, но мы отказываемся. Савелий на друга не поставит, зарабатывать на близких – самое отвратительное, что можно сделать. Я же понятия не имею, как это все работает.

Мы ждем. Толпу разогревают промороликами. Сначала на экране появляется заставка о турнире. Это любительская лига, но тем не менее здесь выступают профессиональные спортсмены. У каждого разряд и титулы в прошлом, сейчас же они продолжают любимое дело и зарабатывают боем.

Картинки сменяются черным экраном, музыка затихает, а вместе с ней и общий гул в зале. Все словно замирают в предвкушении. Дальше – ролик о Гордее. Его показывают со всех ракурсов, и я зачарованно смотрю на подтянутое тело. Он выглядит идеально. Бес. Любимчик публики, чемпион и талантливый боец. Его здесь любят – толпа ревет и скандирует: «Бес! Бес! Бес!» Савелий тоже вливается в волну. Поднимает вверх кулак, вторя остальным.

Мне становится неуютно. Понятия не имею почему. Гордей наверняка хорош, но видеть, как его обожает столько людей, тяжело, потому что мои чувства в отношении этого пар-

ня неоднозначны – он чертовски сильно меня раздражает, но при этом сейчас я не могу отвести взгляда от его изображения на экране и испытываю легкое восхищение, ведь любовь зрителей еще нужно заслужить, вряд ли она досталась ему просто за красивые глаза.

Поднявшись, подхожу к брату.

– Я в туалет, скоро вернусь, – приходится громко говорить, чтобы перекричать толпу.

– Провожу. – Савелий подается вперед, но я останавливаю его, положив руку на плечо.

– Не надо. Я справлюсь сама, не потеряюсь. – Еще не хватало под надзором брата стоять в очереди или того гляди идти в сам туалет. Нет уж, я не маленькая, мне сопровождение не требуется.

– Ладно.

Я быстро иду в сторону уборных. Здесь очередь начинается чуть ли не за двадцать метров. Да уж, я так рискую всей бой пропустить. Но тут гораздо тише, чем возле арены, и до меня только отголосками долетает имя гада, которое продолжает кричать толпа.

Сразу за мной пристраиваются две подружки. Скольжу по ним случайным взглядом: короткие юбки, грудь напоказ, прилизанные гелем волосы, броский макияж – девочки на охоте.

– В зале не протолкнешься, – обиженно ворчит одна.

– А ты хотела опять в раздевалке тусить? Сегодня слиш-

ком важный бой, мальчики готовятся, им нужно быть в напряжении. Расслабятся потом, главное – засветиться перед ними, чтобы не выбрали кого другого, – отвечает вторая.

У меня краснеют даже кончики ушей. То есть они вот за этими развлечениями сюда приходят? Я оглядываю очередь впереди с интересом. Здесь почти все выглядят так, как девочки за мной, – они готовы закадрить кого-то, а может, уже заполучили в свои руки спортсмена или спонсора и теперь просто поддерживают имидж.

Никогда не думала, что джинсы, топ и бомбер сделают меня белой вороной!

– Давай сразу договоримся. Я хочу Беса, – продолжаю невольно подслушивать разговор.

– Без проблем, дорогая.

Не хочу знать. Не-а. Желание закрыть уши руками сильно. Очередь сокращается нереально медленно. А если я вдруг сейчас услышу какую-то информацию о том, что у Гордея в штанах, просто умру на месте. Эта информация мне ни к чему. Я и так узнала больше, чем хотела. В том, что этот мачо-мен спит с девицами, которые пускают на него слюни, даже не сомневалась. Он выглядит как парень, который этим точно воспользовался бы.

Фу, он ведь сидел вчера на диване в гостиной! Надо вызвать химчистку на всякий случай.

Под девчачий треп я все-таки дожидаюсь своей очереди. До начала боя пятнадцать минут, мне везет. Выхожу из туа-

лета с чувством полного облегчения.

Смотрю в нашу сторону. Савелия уже кто-то активно клеит, он мягко отвечает. В этом весь мой брат – никогда не пошлет человека грубо, всегда будет искать обходные пути. Иногда, конечно, и на него находит, но это исключение из правил. Ладно, надо бы его немного расслабить. Вместо того чтобы идти к столику, сворачиваю к бару. Возьму нам еще немного выпить. Может, какие-нибудь орешки или сухарики. В общем, ориентируюсь по обстоятельствам.

В баре, по сравнению с очередью в туалет, пусто. Запрыгиваю на стул и жду, когда ко мне подойдет бармен принять заказ. На полке много цветных бутылок, несколько сортов водки и виски, коньяк, куча настоек и несколько пивных крапов. На стойке сухари, сушеная рыба, кальмары, вяленое мясо, чипсы и орешки.

Делаю заказ: прошу холодный лимонад в бутылках и открыть при мне. Бармен удивленно поднимает брови. М-да уж. Ежусь и вздрагиваю от бегущих по спине мурашек. Надо было сразу вернуться к брату. Вся странность ситуации до меня доходит только сейчас: мы на подпольных боях, в закрытом клубе, который в течение нескольких лет работает без единого сбоя. А еще я одета максимально невызывающе, что в цветастой полуголой толпе работает как сигнальная ракета. Если ты идешь против системы, значит, привлекаешь внимание. И неважно, что система здесь работает с отключенной нормой морали.

– Гар, запиши на мой счет. – Рядом со мной останавливается парень.

Перевожу на него взгляд, осматриваю. Обычная футболка поло, спортивные штаны, гора мышц и улыбка, от которой девицы должны штабелями укладываться. Он выглядит симпатичным, даже безопасным. Эдакий добрый парень, вроде и красивый, но вечно во френдзоне.

– Спасибо, но я могу оплатить сама. Тем более я здесь не одна. – Отвернувшись, обращаюсь уже к бармену: – Не нужно. Я оплачу.

– Ты здесь первый раз, да? – Незнакомец делает жест рукой, и бармен, виновато пожав плечами, переходит к другим клиентам, оставив на стойке две бутылки холодного лимонада, которые открыл при мне, и пачку орешков.

Вот черт!

– А ты здесь завсегдай?

– Ты дерзкая. Мне нравится. Надеюсь, болеть будешь за меня сегодня? – К его лицу приклеивается голливудская улыбка. Он осматривает меня бегло, будто боится случайно задержаться подольше. Или потому что я и правда ему неинтересна. Мои ответы иногда отпугивают потенциальных ухажеров, потому что они считают меня задачкой со звездочкой. А зачем решать сложные уравнения, если есть простые?

– Что, прости?

– Я Арсений. – Он указывает на экран за моей спиной, и я, развернувшись, вижу то же самое лицо, только в увели-

ченном формате.

Э-э-э, это что, ко мне местная звезда подкатывает? Вот так новость! Надо скорее делать ноги, пока Савелий не заметил, что меня слишком долго нет. Только я могла попасть в такую ситуацию! Прийти на бой вроде как к одному, а познакомиться с другим.

– Отойди от нее, Арс! – За спиной раздается голос, от которого меня прошибает насквозь.

Совесь тарабанит в висках и затылке. Я поджимаю губы и смотрю прямо перед собой. Чувствую его приближение. Сейчас за мной Бес, я точно это определяю. Не Гордей, не гад, не сволочь, а Бес – суровый и очень недовольный.

– Расслабься, Бессонов, – ничуть не смутившись, отзывается Арсений. – Это твоя девчонка?

– Эй, я вообще-то тут! И я не...

– Она здесь со мной, – отвечает Бес уклончиво и подходит еще ближе, так что мои лопатки касаются его тяжело вздымающейся груди.

Дыхание моментально спирает. Я облизываю пересохшие губы и тереблю край бомбера непослушными пальцами.

– Понял. Надо было сразу сказать, красотка, – подмигивает мне, чем явно злит Гордея. – Хорошего вечера. Увидимся на ринге, Бес.

– Удачи! – кричу вслед Арсению и даже улыбаюсь, но в следующий миг Гордей резко разворачивает меня к себе лицом, обхватив плечо.

Наши взгляды встречаются, и даже окружающий полумрак не сравнится с тьмой в его глазах. Она опасная, и она затягивает меня, как тряпина.

– Ты сдурела?

Глава 5

Волоку за собой девчонку. Мы уже за служебной дверью. Сашка шипит, вырывается, сыплет проклятиями, но все равно идет за мной. Дурочка, ну просто натуральная идиотка! Как только додумалась свинтить в одиночестве и обосноваться у бара? Сава тоже молодец – бросил сестру, и вокруг нее сразу же собрались всякие придурки, думающие, как бы залезть к ней в трусы. А спасать приходится мне, хотя до боя осталось чуть больше десяти минут.

Мы с Арсом разминались в зале: небольшой спарринг, в котором отрабатывают технику, а не пытаются предварительно покалечить друг друга. Арс адекватный, просто тяжелее меня на четыре кило и выше на полголовы. Он громада, и он меня выбесил, когда приблизился к Саше. Чем? Внятного и рационального ответа на вопрос найти не могу. Все слишком... Слишком.

Здесь работает право первенства – девчонка поимела мой мозг раньше, чем его, так что достаться должна мне. И плевать, что я не планирую с ней никакой романтики и Саша нужна мне только для того, чтобы вытащить ее из передраги, в которую она ввязалась, сама того не понимая.

– Пусти меня! Какого черта ты творишь? – пищит, возмущаясь, и свободной рукой колотит меня по плечу.

Остановившись в коридоре на пару секунд, делаю выбор

в пользу своей раздевалки, до которой еще пара метров, и уверенно иду туда. Открыв дверь, заталкиваю Сашу и захожу следом, запираясь изнутри. Девчонку подталкиваю дальше.

Тут никого – темнота. Щелкаю выключателем, и комнату заливают тусклый свет, в котором по стенам от наших тел ползут длинные тени. Саша сразу же поворачивается ко мне лицом – в глазах плещется страх. Она медленно отползает к противоположной стене. Я наступаю, не задумываясь о том, как все это выглядит.

В моей крови гуляет адреналин, я заведен перед боем, и я как бык, реагирующий на красную тряпку, выброшенную перед моим лицом. Девчонка бесит меня с самого первого дня. Все с ней идет наперекосяк. Как бы я ни пытался подружиться и просто нейтрализовать этот вулкан, не получается. Она только сильнее распаляется, даже сегодня испепеляет меня взглядом, а у бара вообще пыталась выбрать другого. Была бы любая другая – было бы все равно, вот только Саша – это ответственность. Она сестра друга, за которую придется впрячься, если что-то случится. А свяжись она с Арсением, непременно случится. Истомин только прикидывается душкой, на самом же деле девчонки от него уходят в слезах, потому что он мастерски разбивает сердца.

– Какого черта ТЫ творишь?

Я на расстоянии шага. Девчонка вжимается в стену, но сдаваться не собирается. Смотрит грозно и даже пренебрежительно, так, будто я грязь на подошве ее кроссовок. Она

оделась максимально скромно, если не считать голого пупка. Плечи закрыты, грудь не выставлена напоказ, но я все равно безошибочно ее определил у стойки.

– Ты псих! И я не буду тебе ничего объяснять. – Она делает шаг в сторону, собираясь меня обойти.

Настигаю ее в два счета и зажимаю между собой и стеной. Не касаюсь, не давлю – просто упираю ладони по обе стороны от ее головы. Смотрю сверху вниз. Саша не смущается ни на секунду – взгляд мечет молнии. Она толкает меня в грудь, но ей не хватает всех сил, чтобы сдвинуть меня. В нос бьет ее аромат. Девчонка вкусно пахнет кокосом и чем-то еще. Как будто пина колада – сладкая, манкая. Но ее сладость, даже нежность, не идет ни в какое сравнение со взрывным характером, и этот контраст добивает. Я и так был на адреналине, а теперь меня и вовсе рвет в бешенство. Как бы дичи не сотворить.

Мы непростительно близко. Наше дыхание смешивается. Грудные клетки вздымаются с одинаковой частотой. Взгляды сталкиваются и ведут борьбу. Кто отведет глаза первым? Я – потому что хочу посмотреть на губы? Или Саша все-таки сдастся? Зелень ее глаз темнеет. Теперь это не летняя трава под солнцем, а темная красивая хвоя, прячущаяся в тени.

– Будешь.

– Нет! Если тебя задело, за кого я болею, это твои проблемы, а не мои. Уйди! – бьет кулаком. Это то, что мне вообще не нужно перед боем.

– Ах вот в чем все дело... – доходит до меня. Интересно она сопоставила факты. – Нет, Саша. Мне все равно, за меня ты или нет. – Тело напрягается, противясь произнесенным словам. В груди что-то неприятно царапает, но я запрещаю себе сосредотачиваться на этом ощущении. Оно иррациональное, неправильное и ненужное. – Но ты сестра Савы, а значит, мне придется за тобой присматривать, хочешь ты того или нет.

– Няньки мне не нужны! – огрызается.

– Позавчера ты орала, чтобы я не пялился на твой зад, а сегодня вертишь им перед первым встречным, подкатившим возле бара. – От одной мысли, что она ушла бы с Арсом, меня передергивает. Я бы вломился в его раздевалку, даже если бы они закрыли дверь прямо перед моим носом. Даже если бы Саша была согласна на все, что ей предложил Истомин. – И если я поступил благоразумно, то это не значит, что все такие. Здесь двенадцать вип-кабинок. Как думаешь, что там делают? – запугиваю ее. Вижу, что начинает доходить. – Или ты целенаправленно хочешь попасть в одну из них?

Мы сверлим друг друга взглядами целую бесконечность. Воздух между нами уже трещит от напряжения и разрядов молний, которые летят в меня с бешеной скоростью. Я жду ответов. Мне жизненно важно услышать, что Саша не планировала ничего подобного и просто ошиблась, подумав, что ее дерзкий рот никто не захочет заткнуть вполне классическим способом. Она открывает рот, чтобы что-то сказать.

Пухлые губы выглядят так, что приходится сдержаться, чтобы не пройтись по ним большим пальцем. Передумав, Саша поджимает губы, словно заметила, что я бессовестно пялюсь.

Тишину разрезает звон пощечины. Саша бьет сильно и уверенно, а я даже не успеваю увернуться. Щека вспыхивает жаром. В кровь впрыскивается новая порция адреналина, а злость ускоряет бег по венам.

– Думай обо мне что хочешь, но не смей меня оскорблять! – поднырнув под руку и воспользовавшись моей растерянностью, Саша спешит к выходу.

Я делаю шаг за ней, все еще с трудом соображая. В башке звенит, но не от силы удара, а от шока. Она только что меня ударила. И мне стоило ошалеть каких сил сдержаться и не обездвигить ее. А еще не наброситься на ее рот, из которого, как из пулемета, вылетают слова. Заткнуть его своим.

Но даже в этой ситуации я по-джентльменски собираюсь ее проводить.

– Саша, стой, – прошу, понимая, что, если в ближайшие пару минут не догоню ее, она снова попадет в какое-то дерьмо.

– Отвали! – не оборачиваясь, показывает мне средний палец.

В два счета справившись с замком, девчонка открывает дверь и сталкивается с Мари. Та осматривает ее придирчиво, как одну из своих малышек, готовых на все. Взгляд этой женщины на долю секунды вспыхивает, но Саша, к счастью,

этого не замечает – буркнув «извините», она сбегает.

– У тебя пять минут до выхода. Одевайся, – бросает мне Мари и, проигнорировав тот факт, что от меня выбежала девчонка, выходит, прикрыв за собой дверь.

В душе пылает вулкан, кожа горит, а сердце тарабанит так, что скоро пробьет ребра. Я не понимаю, что со мной происходит, но уверен на триста процентов, что мои эмоции взвинтила одна блондинистая зараза, которая сбежала, вильнув хвостом. Смотрю на аккуратно сложенную форму и перчатки. Если ярости нужен выход, лучше выплеснуть ее на ринге.

Глава 6

Иду напрямиком к нашему столику. Сердце колотится так, что скоро вылетит на ринг. Прижимаю руку к груди, надеясь унять бешеный ритм. Дыхание сбивается, я лавирую в толпе, звуки доходят как через толщу воды. Меня кто-то хватает за плечо. Не обернувшись, сбрасываю руку и уношусь прочь. Мысли лихорадочно скачут, подкидывая мне новые сюжеты развития событий в одной раздевалке за служебной дверью. Я облизываю пересохшие губы. Тело горит огнем. В бомбере становится жарко, но я не решаюсь его снять и остаться в спортивном топе.

До сих пор не могу прийти в себя. Гордей вел себя так, словно у нас отношения и я ему задолжала объяснения. Он не сделал ровным счетом ничего – только жалил словами, но мне и этого хватило, чтобы потерять равновесие и полететь в бездну. Сейчас я понимаю, что многие из его слов были правдой. Я действительно веду себя противоречиво: с Гордеем жестко отстаиваю границы, будто он покушается на них ежесекундно, а с другим не против познакомиться в баре и переброситься парой милых фраз. Но это не оправдание тому, что творит Гордей. И произошедшее уж точно не моя вина, а этого несносного типа, рядом с которым я теряю себя.

Кто-то влетает в меня сбоку, выбивая из головы дурные мысли. Я едва не падаю, но чьи-то руки сжимаются на пле-

чах, не давая мне упасть. Парень, извинившись, продолжает движение, и я тоже слеую в нужном направлении.

Вот уже наши места. Савелий вертит в руках бутылку. Перед ним стоит девушка, которая что-то ему доказывает. На ней короткие шорты и топ, едва прикрывающий грудь. Вызывающий наряд дополняет броский макияж и зачесанные назад волосы. Красотка выглядит эффектно, но мой брат на нее даже не смотрит, сверлит взглядом бутылку и односложно отвечает на вопросы. Не выдержав, девушка бросает что-то явно ядовитое и, резко крутанувшись, уходит. Савелий смотрит ей вслед, но быстро возвращается к созерцанию бутылки. Если бы я не знала, что мой брат бегаёт от отношений, подумала бы, что передо мной разворачивается любовная драма.

Подхожу ближе, Сава лениво мажет по мне взглядом.

– Ты долго, – констатирует факт.

Смотрю на часы на руке. Меня не было двадцать минут. Пожав плечами, сажусь в кресло напротив брата.

– Очереди сумасшедшие, – произношу нейтрально. – Скоро все начнется?

Свет меняется. По периметру ринга загораются лампы. Девушки заканчивают танец и уходят. Толпа ревет, в воздухе искрит адреналин. Мы переводим взгляд на арену. Голос ведущего, представляющего спортсменов, льется из динамиков. Первым выходит Арсений. Его встречают бурно, рукоплещут. Сам парень держится уверенно. Он здесь один из

любимчиков. Арс поднимает руки в перчатках, демонстрирует пару движений – заводит народ.

Я замираю, напряженно глядя в сторону. Там в черном халате с золотыми вышивками стоит Гордей. Бес. Мой взгляд намертво приклеивается к нему. Он держится отстраненно, голова опущена, но я даже на расстоянии чувствую силу и ярость, которые он источает. Все вскакивают со своих мест и кричат-свистят, когда прожектор показывает на Гордея. Пока он выходит на ринг, ни один человек не садится. Мы тоже стоим, подхваченные общей волной. Я даже хлопаю, увлекшись общим настроением, но робею, когда Савелий замечает мою реакцию. Сдержанно ему улыбаюсь и опускаю руки.

В тот момент, когда Гордей становится в стойку, я понимаю, что теперь перед нами Бес – боец, готовый уложить любого в погоне за титулом. Он суров, опасен и настроен побеждать.

Сава подмигивает мне и кивает в сторону ринга. Брат искренне болеет за друга. Он даже свистит! Подумать только, моего брата считали святошей, который придерживается правил. А теперь, когда я узнаю о его жизни больше, оказывается, что за смазливой внешностью прячется обычный парень, который не прочь оторваться.

В тот момент, когда я собираюсь отвлечься от совершенного тела Гордея, он вдруг поворачивается в нашу сторону и смотрит прямо на меня. Сердце екает, жар бежит по телу волнами, подушечки пальцев колет, а в затылке печет. Я

не отвожу взгляд, и мы так и палимся друг на друга. Снова вспоминаю грозное выражение его лица там, в раздевалке, и по коже бегут мурашки. Бес будто безошибочно определил мое местоположение и теперь готов сравнять мой моральный настрой с землей, чтобы я не мешала ему побеждать.

Демонстративно скрещиваю руки на груди. Между нами не меньше пяти метров, а по ощущениям – будто стоим на расстоянии двадцати сантиметров друг от друга. Один неверный шаг, одно неосторожное движение, и случится катастрофа. Воздух застревает в легких. Напряжение в разы сильнее, чем конфликт двух соперников на ринге. Это плохо. Во-первых, Гордею нужно сосредоточиться на бое, если он хочет победить. Во-вторых, я не уверена, что выдержу, если Бес начнет давить. Не Гордей, не друг брата, а именно Бес – злой, решительный, упрямый.

Отвожу взгляд первой. Пусть считает меня проигравшей – отступить в одной битве не значит равным счетом ничего. Смотрю на носки своих кроссовок и жду, когда же все начнется.

С первым ударом гонга возвращаю взгляд на ринг. Гордей движется быстро, бьет резко и внезапно. Арсений медленнее, но при этом в нем больше силы, его приемы точны и выверены. Оба не уступают друг другу. В помещении шумно, голоса сливаются в гул, из которого иногда слышатся отдельные выкрики и свист.

– Он крутой, да? – Я даже не замечаю, как Савелий ока-

зывается рядом со мной. Он приобнимает меня за плечи и наклоняется ниже.

– Гордей? Да, хорош, – медленно киваю, продолжая наблюдать.

– Знаю, что сейчас не очень подходящее время, – начинает он издали с деланой вежливостью. Так и думала, что во всем этом есть какой-то подвох. – Но лучше сейчас, пока вы снова не начали кусаться. Гордей, может, своеобразный парень, но при этом очень хороший человек.

– Ты же мне его не рекламируешь как потенциального жениха? – пытаюсь перевести все в шутку, а у самой нутро сжимается, стоит только допустить эту мысль. Гордей – мой парень? Ха-ха. Он же бешеный спортсмен и совершенно неподходящий мне тип. Слишком хмурый, слишком агрессивный и закрытый.

– Нет, – отзывается резко и холодно, но мне от этого становится спокойнее. – Я просто прошу тебя присмотреться к нему и сбавить обороты. Он нормальный, и он мне как брат. А ты моя сестра, и вы оба – единственная семья, которая у меня есть. Не хочу, чтобы дошло до того, что придется выбирать между вами.

– Я постараюсь, но твой друг – бесячий тип, хоть и дерется как бог.

Честность – лучшее оружие. Зал взрывается аплодисментами. Снова отовсюду звучит «Бес! Бес! Бес!». На ринге в нокауте лежит Арсений, а над ним стоит Гордей. Его грудная

клетка тяжело вздымается и опускается. На экране пускают видеоповтор удара, но мой взгляд намертво приклеивается к самому Бесу. Он не наслаждается триумфом – принимает победу как должное. Это не случайность и не удача, а результат упорной работы.

Сейчас я отчетливо вижу, сколько всего за этой победой. Сколько тренировок, сколько сил, сколько упорства. Спортсмены – серьезнейшие люди. Малейшая ошибка – и ты не чемпион, ты вылетаешь из турнирной сетки, и нужно очень попытаться, чтобы в новом сезоне у тебя был шанс попасть хотя бы на то же место, с которого ты вылетел. Может, я и правда была слишком категоричной, когда выносила Гордею приговор, и первое впечатление действительно оказалось обманчивым?

Глава 7

Выхожу на улицу сразу, не задерживаясь. Бой окончен, статистика зачтена, Мари довольна, и меня сегодня здесь ничего не держит. С Арсением у нас прохладные отношения: он мой основной соперник, мы не дружим, но и не конфликтуетем на публике, поэтому я не интересуюсь его самочувствием после нокаута. Он сам виноват: отвлекся, засмотрелся на кого-то и получил в табло. Никакого сожаления. Либо он, либо я, и в этом поединке я всегда выберу себя.

Свежий воздух остужает, но в теле все еще гуляет адреналин, и я по-прежнему заведен – после боя всегда так. Нужно пару часов, чтобы отойти, выплеснуть все лишние эмоции, которым не место в обычной жизни. Я даже не вижу дорогу перед своим носом – все как в густом тумане, и приходится ориентироваться на мышечную память.

В мозг долбит, тело двигается рвано, резко. Мысленно я все еще за канатами. Сражаюсь, анализирую. Вспоминаю, что было, как действовал. В процессе я заметил две ошибки: слишком глубоко ухожу вниз, когда уклоняюсь, и медленно наступаю. Нужно быстрее, чтобы рвать и уничтожать. Опять придется тренировать ноги, следить за скоростью. Это проблемы завтрашнего меня, но я все равно о них думаю, ищу выход. Моя жизнь – бесконечный спорт. Ралли, бокс – успевать приходится везде, и у меня просто нет времени на про-

медление.

Достаю телефон и проверяю тренерскую сетку. Мы занимаемся в небольшом клубе при «Голде», зал оборудовали специально для нас, у нас бесплатный доступ, а еще обязательные тренировки с одним из четырех тренеров. Нас с Арсом готовит один тренер, поэтому расписание всегда плавает в зависимости от наших с Арсением графиков. На завтра как раз есть окошко, не придется долго ждать. Бронирую время и жму «Подтвердить».

– А что это у нас тут за чемпион? – звучит радостно за спиной, и мне на плечо опускается тяжелая рука. – Ты красавчик! Уделай его так быстро, еще и нокаутом. Ну точно Бес! Бес! Бес! Бес! – скандирует Савелий, который каким-то образом успел добраться до служебки.

– Хорош, Сава. Это только начало, – стряхиваю с себя его ладонь и веду плечом.

Сава всегда пытается меня поддержать, зная, как мне фигово в такие моменты. И вроде бы должен радоваться победе, но это только одна ступенька к большому чемпионству. Впереди еще десять боев, и только тогда можно будет выдохнуть. А пока нужно убиваться в зале до седьмого пота и как-то находить время на ралли, успевая еще и чинить тачки в гараже.

– Признай, что это было круто, – улыбается Савелий.

По телу снова прокатывается горячая адреналиновая волна. Я помню все: как занес руку, как переместил вес тела на

одну ногу, как сделал быстрый и точный удар. Помню страх в глазах Арса, помню, как он рухнул на пол мешком. В моей голове хранятся все воспоминания с боев. Они работают лучше любой камеры. Тогда, на ринге, на одно короткое мгновение по венам разлился триумф. Я позволил себе пару секунд ликования, а дальше задушил его в адреналиновом море. Нужно больше, лучше, результативнее.

– Да, было круто, – соглашаюсь, слабо улыбаясь.

Сава толкает меня в плечо. Отворачиваюсь и натываюсь взглядом на Сашу. Она стоит поодаль, прячет руки в карманы бомбера и смотрит на меня с любопытством. Это не тот взгляд, каким меня обычно одаривают девушки: в нем нет похоти, нет призыва – только банальный интерес, который прячется за маской отстраненности.

Улыбка моментально стекает с моего лица. Скромница Саша здесь чужая, она как милый домашний цветочек, который пересадили в агрессивную уличную почву и оставили в суровых условиях. Но мне почему-то нравится видеть ее здесь.

– Поздравляю, – произносит она твердо, в интонациях лед. На миг в ее глазах вспыхивает что-то, чего я не могу расшифровать. Восхищение? Радость? Она прячет искренние эмоции, но даже их маленькая часть проникает в мою душу, согревая меня странным теплом. – Ты неплохо смотрелся на ринге, – выдавливая из себя наигранно, наивно полагая, что я не замечаю фальши. Таким тоном обычно гово-

рят «Пошел к черту, кретин!».

Саша встает рядом с братом, берет его под руку. Ее взгляд мечет молнии – такими темпами на мне живого места не останется.

– Надеюсь, тебя не расстроило, что мне не надрали задницу, – парирую весело и подмигиваю ей.

Саша улыбается так тепло и искренне, что сражает меня наповал. Она впервые не кусается в ответ и выглядит вполне мило. Может, мы с ней не так уж и безнадежны и на нашем поле боя тоже возможно перемирие? Смотрю на ее губы, на идеальную линию подбородка, на прямой нос и сверкнувшие в свете уличного фонаря глаза. Саша красивая, глупо это отрицать. Равно как и мне глупо очаровываться этой красотой и смотреть дольше, чем того требуют приличия. Она младшая сестра моего лучшего друга, и только в сопливых девчачьих романах таким парочкам пророчат любовь с первого взгляда и до гробовой доски. Абсолютно точно не наш случай.

– Это только начало, – она равнодушно пожимает плечами, повторяя мои слова.

– Ты что, правда в него не веришь? – удивляется Сава, глядя то на меня, то на сестру. – А как же «дерется как бог»?

– Это всего лишь один бой, – Саша закатывает глаза, словно устала от происходящего, но я замечаю ее розовеющие щеки.

Со свистом втягиваю воздух и сжимаю кулаки, сдерживая

рвущиеся наружу эмоции. Мелкая провокаторша не понимает, что играет с огнем, который полыхает в полную силу без дополнительного топлива. Это адреналин и тестостерон. Они всегда зашкаливают после боя, особенно после победы. После того как поработаешь на пределе, сбоят все системы, и первой в расход идет гормональная. Девчонка не вовремя оказалась рядом, и теперь мой радар, за неимением других вариантов, настраивается на нее. И весь термоядерный коктейль из гипертрофированных эмоций я хочу выплеснуть на нее, прекрасно зная, что Саша мне ответит.

– Продолжишь язвить, и он будет последним, который ты увидишь, – бросаю зло и замечаю, как округляются зеленые глаза и изумленно подлетают вверх брови.

– Ладно, – обиженно фыркает Саша и скрещивает руки на груди. – Что дальше? Едем домой?

– У нас сегодня долгая ночь, – весело отвечает Савелий. – Если ты захочешь составить нам компанию.

Глава 8

– И куда мы теперь? – спрашиваю я, на самом деле ощущая небывалую бодрость. Хотя уже поздний вечер, вряд ли я усну в ближайшие несколько часов.

Пару раз я смотрела выступления боксеров по телевизору, а еще на целых две недели в моем аккаунте сломалась лента рекомендаций, и мне пришлось смотреть вырезки боев. Но когда видишь вживую – это в разы сильнее. Потому что через экран ты защищен от энергетики, атмосферы. Тебе подбирают удачные ракурсы, показывают повторы, ты не слышишь резких вздохов и не ощущаешь силы, вкладываемой в удары. Когда оказываешься в нескольких метрах от ринга, чувствуешь все каждой клеточкой тела.

– На кольцо, – улыбается Савелий, надеясь, что я догадаюсь. Но у меня в голове каша, из которой я не могу вычленить что-то разумное. – Мне нужно на тренировочный заезд по трассе с искусственным освещением.

– И я могу посмотреть? – едва не подпрыгиваю от восторга. Я сегодня как счастливый ребенок, которого не только сводили в парк аттракционов, но и разрешили прокатиться на самых опасных каруселях, а после накормили вредной едой, в которой в пять раз больше калорий, чем предполагает дневная норма.

– Если не устала. Или мы закинем тебя домой по пути.

– Я еду с вами! – отвечаю быстро и иду к машине.

Сажусь на заднее сиденье, решив не разлучать парочку твикс. Гордей и Сава быстро переключаются на обсуждение трассы, забывая, что с ними абсолютный профан, и мне остаются только попытки рассмотреть что-то за окном. Уже давным-давно стемнело, но повсюду огни ночного города, и мимо проносятся фонари, быстро сменяя друг друга. Ночь – особое время, когда все видится по-иному и кажется таинственнее, загадочнее. Я делаю пару фотографий и с трудом удерживаюсь от того, чтобы не закинуть их в сторис. Нельзя, иначе завтра же я уеду отсюда, причем не по своей воле.

Словно почуяв мое настроение, телефон в руке вибрирует. Ладонь точно кипятком ошпаривает. Блокирую экран, игнорируя вызов. Сердце уходит в пятки. Страх обволакивает каждую клеточку, мешает вдохнуть. Мне кажется, сейчас все на моем лице написано, стоит только взглянуть. Хорошо, что никто не видит.

Ребята увлеченно говорят о машинах, на словах разбирают и собирают движок, обсуждают управление и мощности. Для меня их болтовня похожа на фоновый шум, я не смыслю в этом ничего, но невольно вникаю, потому что это успокаивает. Завтра Савелий на целый день пропадет в гараже вместе с Гордеем, они будут проверять машину после тестов. Что полетело, что выдержало, что улучшить. Все это важно уже сейчас, от исправности машины зависит не только победа, но и жизнь гонщика и его штурмана. Все так серьезно,

что я начинаю волноваться и нервно облизываю губы.

Никогда не видела Савелия «в руле». Гонками он увлекался всегда, но для меня трек был под запретом: папа не разрешал, опасаясь, что я тоже захочу испытать себя в скорости. Я смотрела заезды брата в интернете, хоть отец всячески пытался меня отвлечь во время гонок и не дать понаблюдать за трассой. Мне было запрещено интересоваться успехами Са-вы, поэтому я считала медали и кубки на полке тайком. Когда понимала, что новое количество не сходится с прежними подсчетами, радовалась как за себя.

После того как Сава ушел из дома, поругавшись с отцом, все стало гораздо проще и сложнее одновременно. Теперь следить за Савелием было легко: я смотрела трансляции с заездов, читала интервью и лайкала все посты в его соцсетях, которых стало существенно больше. Мы наконец начали с ним общаться, не обходя интересные темы, как делали раньше при отце. Я поняла, что гонки – это не просто спорт, это образ жизни и мышления. Это не адреналиновая зависимость и не желание покрасоваться перед девчонками в красивом костюме – это упорство, решимость и внимательность. Я начала по-настоящему гордиться братом, понимая, что стоит за каждой успешно пройденной трассой.

– Са-а-ань, ты там спишь, что ли? – Савелий поворачивается ко мне.

– А? – хлопаю ресницами, смотрю на брата. Мы в машине вдвоем – Гордей стоит на улице. Я цепляю его силуэт, кото-

рый в свете уличных фонарей выглядит контрастно и красиво. Откладываю эту картинку в памяти, но вдохновение требует сделать хотя бы набросок, чтобы не забыть нарисовать мрачного парня, воспитанного улицей, с сигаретой в зубах. Хотя Гордей не курит, моя фантазия пускается вскачь, и я по одному только симпатичному ракурсу придумываю историю персонажа, который уже сегодня вечером появится в лайне. – Задумалась что-то... – Я улыбаюсь. – Мы уже приехали?

– Да, выходи, – не дожидаясь меня, Сава толкает свою дверцу.

Поспешно выбираюсь из машины и сталкиваюсь нос к носу с Гордеем. Он не сдвинулся ни на сантиметр с того момента, как оказался на парковке. Смотрит сквозь меня, что-то анализируя в своей голове. Взгляд тяжелый, отсутствующий, и я ежусь под ним.

– И какой у нас план? – осматриваюсь, но ничего интересного, кроме парковки перед огромным стадионом, не наблюдаю.

– Ты идешь с Гордеем, я на трек. Бес, головой отвечаешь! – раздает указания Савелий, посматривая на наручные часы. Он встряхивает рукой и быстро разворачивается. – Все, давайте, я вас проведу через служебный вход, дальше сами.

Не дожидаясь Гордея, стартую следом за братом. Бес идет шаг в шаг, кажется, в спину дышит. Между лопатками горит, по телу расходится пульсация. Ускоряюсь, надеясь сбросить

с себя странное наваждение, но мой молчаливый спутник не отпускает меня дальше, чем на расстояние вытянутой руки.

И я хочу поспорить с Савелием, сказать, что не останусь с его другом наедине, потому что мы все так же не переносим друг друга на дух. И никакие совместные вылазки этого не исправят. Гордей... я даже не могу осознать причину, по которой он меня раздражает. Это подсознательное – он много командует, чересчур прямолинеен и слишком самоуверен. А еще он считает меня наивной мышью, не зная обо мне ровным счетом ничего. Но я только кусаю щеку изнутри, потому что сейчас не время и не место быть капризной девочкой. Я ведь сама согласилась поехать, выдержу пару часов в компании Гордея. В конце концов, мы можем просто молчать.

Внутри стадиона суета. Здесь снуют люди, кто-то уже в гоночных костюмах, и я невольно засматриваюсь. Будто попадаю в другой мир, на который раньше смотрела из-за угла, а теперь оказалась в эпицентре, и это ощущается глотком свежего воздуха. Я наконец-то свободна, и за моей спиной вырастают крылья. Мы спешим вперед. Савелий и Гордей с кем-то здороваются, меня не представляют, но никто и не пытается познакомиться – никому до меня нет дела, когда есть занятия поважнее, чем узнать, что это за девчонка трет-ся рядом с гонщиками. Краем глаза замечаю, что тут почти нет девушек, – всего две, но и те в костюмах своих команд – видимо, механики, при том выглядят так, что могут дать фору некоторым парням.

Идем дальше. Выходим на трек. Трибуны почти все пустуют, толпа концентрируется на линии старта-финиша. Савелий, развернувшись, что-то быстро говорит Гордею и показывает наверх. Тот кивает.

– Все, я пошел, – улыбается брат, легонько сжимая мое плечо. – Удачи не желайте, но болейте так, чтобы хрипело горло.

– Без победы не возвращайся, – киваю на трек.

Гордей издает смешок за спиной, по моим плечам бегут мурашки. Я вздрагиваю, не сразу сообразив, насколько близко ко мне Бес. Он словно оберегает меня. Бесячий охранник, от которого мне почему-то не хочется унести ноги, но при этом я готова расцарапать его лицо и стереть эту самодовольную ухмылку, с которой Гордей бесцеремонно меня рассматривает.

– Дуйте наверх, на балкон. Там вход для vip-болельщиков. Бес, следи за ней, как за своей, – наставляет Савелий.

У меня внутри все сжимается. Я растерянно смотрю на Гордея. Понимаю, что Савелий имел в виду «как за своей сестрой», просто не договорил. Но по тому, как стремительно темнеет взгляд Беса, понимаю, что он тоже все неправильно интерпретировал. Мне становится жарко, я оттягиваю ворот бомбера и делаю несколько глубоких вдохов. «Мой» ловит каждое мое движение и стоит столбом, просто пялясь на мою шею.

Сава не ждет, пока мы уйдем, – уже спешит к своим ребя-

там, которые энергично ему машут. За громкой музыкой не могу разобрать, что там говорят брату. Меня колотит – басы проходят насквозь. Гордей так и пялится, больше не делая ничего.

– Пошли, – я игриво толкнула его плечом, обошла и перепрыгнула через ступеньку, оказавшись сразу на второй.

Только поднимаю ногу, как меня хватают за рукав и тянут обратно, вниз. Не могу найти опору и, покачнувшись, заваливаюсь. Развернувшись в воздухе, все равно не успеваю ничего сделать и предчувствую, что вот-вот мое лицо встретится с полом. Выбрасываю ногу вперед, пытаюсь подстраховаться, но влетаю не в твердый пол, а в крепкое тело своего недовольного секьюрити.

Он вжимает меня в себя. Я цепляюсь за его плечи – ноги становятся ватными и отказывают меня держать. Пульс шпарит, оглушая. Мы смотрим глаза в глаза. У него там пожар, в моих – черт его знает, но уверена, отражается нечто подобное. Скулы Гордея выделяются на красивом лице идеально ровными линиями. Я хочу провести по ним пальцами – желание иррациональное, но кончики пальцев жжет от предвкушения. Это вообще нормально, что я хочу изучить каждую черту его лица, каждый изгиб плеч и одновременно придушить? Искать ответов не приходится, потому что верный лишь один – действовать первой, чтобы не потерять инициативу в нашем соперничестве.

– Ты совсем без мозгов? – Сжав кулак, со всей силы вго-

няю его Гордею в грудь, но он и не двигается с места, только приподнимает уголок губ в полуулыбке. – А если бы я упала и что-нибудь себе сломала?

Он звереет в секунду, но не отпускает, а, наоборот, прижимает к себе еще сильнее. Вдох-выдох. Ему требуется всего один, чтобы привести себя в порядок.

– Еще раз отойдешь от меня дальше чем на шаг, и в следующий раз я дам тебе упасть.

Глава 9

Маленькая бесячая девчонка. Я смотрю на нее, впервые игнорируя несущиеся по треку машины. Обычно было наоборот – со мной кто-то пытался познакомиться, некоторые девушки даже висли на моих руках, пока я неустанно следил за трассой, подмечая каждую деталь. Гонять по кольцу – не мое, поэтому я никогда не пытался, но смотреть захватывает. Мне по духу ралли, когда летишь по пересеченной местности и концентрируешься на дороге. На треке есть лишь один плохой вариант – столкновение с другой тачкой либо с отбойником. В ралли же может произойти все что угодно: занос и срыв с трассы, вылет в канаву или вода в движке, потому что лужа оказалась слишком глубокой. В общем, разнообразие.

Но адреналин, пусть и слабо, все же плещется в крови даже от простого наблюдения за кольцевыми гонками. Сердце замирает на долю секунды, когда Сава слишком быстро входит в поворот. Я будто сейчас там, с ним, чувствую, как повело машину и как тело по инерции утягивает вбок, но его удерживает пятиточечный ремень безопасности. Машину заносит, Сашка ахает и прижимает ладони ко рту. Мы стоим у перил, перед нами вся трасса как на ладони, и от картинки захватывает дух. Запах выхлопных газов и жженой резины долетает и сюда. Саша смешно морщит нос каждый раз,

когда кто-то слишком резко тормозит, так что колеса дымятся, и когда гонщики бьют по газам, выбрасывая сизое облако жженого бензина.

– Боже мой, это так круто! – Она подпрыгивает на месте. Восторг в ее глазах заражает. Я тоже улыбаюсь. Санька сейчас такая девчонка-девчонка, что хочется дернуть ее за высокий хвост, который она собрала, когда мы пришли сюда. Вот может же быть нормальной, а не кусачей заразой, которую хочется придушить. – Он ведь придет первым, да? – Не получив моментального ответа, она касается моей груди, и мое сердце – удивительно для меня – отзывается и рвется ей навстречу.

– Не будем загадывать, – отвечаю ей, отстраняясь.

Невинное, ничего не значащее прикосновение оставляет теплый след и врезается в память сильнее сегодняшней победы. Нахмурившись, отступаю на шаг в сторону, но ее сладко-кокосовый запах проникает в легкие, перебивая остальные ароматы, которыми я, кажется, давно пропитался насквозь. Растираю ладонью грудь в том месте, где девчонка до меня дотронулась. Безжалостно стираю дурацкое наваждение. Это сестра Савелия, мелкая и дерзкая, у которой я в няньках до конца вечера. Нужно отвлечься и перевести дыхание. И я не нахожу лучшего способа это сделать, чем сбежать:

– Хочешь газировку или сок? Тут стоит автомат.

– О, вау, ты можешь быть милым! – язвит Саша, и я уже

жалею, что предложил. Чешу затылок, призывая все спокойствие, и продолжаю улыбаться и делать вид, что меня не задевают ее замечания. Отшлепать бы ее хорошенько, конечно, чтобы знала, когда стоит держать язык за зубами. Сава явно не объяснил младшей сестре, что с парнями себя так вести нельзя. – Я буду газировку. Желательно без сахара, но там как пойдет.

– Стой здесь и не шевелись, пока я не вернусь.

Мне нужно хотя бы пару минут свободы и свежего воздуха, потому что ее сладкий запах уже впитался в легкие и не выветрится оттуда в ближайшие двадцать четыре часа, а улыбка останется перед глазами, даже если я их закрою. Я со странным и совершенно нездоровым энтузиазмом ищу в автомате лимонад без сахара. Есть кола и содовая со вкусом лайма, покупаю обе. Понятия не имею, зачем делаю все это. Просто какое-то непреодолимое желание сделать Сашке приятно, порадовать ее и наконец убедить, что я не такой ужасный, каким она меня видит. И для чего? Что за странное желание доказать свою хорошенькость? Обычно я показывал девочкам все свои ужасные стороны, чтобы они от меня сами сбежали, здесь же... все с точностью до наоборот. Странно.

Осматриваюсь на автомате. Вижу Арса, пару знакомых ребят. Здраваться не подхожу, просто киваем друг другу издали, я рад, что он в порядке, но банальная вежливость – это все, что мы позволяем себе по отношению друг другу. Все заняты: кто-то с девушками, кто-то с друзьями. Я сего-

дня тоже... то ли с девушкой, то ли с другом. Хотя друзья из нас с Сашей так себе. Скорее, кошка с собакой, только и делаем, что цапаемся, каким-то чудом обходясь без травм.

Сашка стоит там же, где я ее оставил. Смотрит исключительно на трек. По истошному реву тачек определяю, что ребята пошли на последний круг. Табло показывает то же. Сава пока идет вторым, но я знаю, что он, как всегда, вырвется вперед на смертельном повороте. Он единственный входит в него, не сбавляя скорости, а потом вылетает первым из контролируемого заноса. Я ему поражаюсь. Быть настолько безбашенным еще надо постараться. У них это, видимо, семейное. Лихачевы, что еще с них взять.

Взгляд цепляется за незнакомую фигуру в костюме. Какой-то пижонистый мужик, на вид не больше тридцати, стоит и смотрит на Саню неотрывно. Она не замечает, потому что стоит к нему спиной, а у меня за грудиной моментально вспыхивает. Во-первых, какого черта? И во-вторых, кто это вообще? Раньше я его тут не видел. На спонсора не похож – у него ноль интереса к происходящему. На нового охранника тоже. Да и не заходят ребята сюда, они на лестнице дежурят, чтобы никто лишний не прошел.

Не нравится мне этот тип. Какой-то он... склизкий, что ли. Волосы прилизаны гелем, аж блестят. Костюм идеально сидит, ни одной складки, будто мужика как одели, так и отправили пешком до стадиона, чтобы ничего не помялось. Да и выбивается он из толпы, стоит в одиночестве, ни с кем не

разговаривает, будто сюда за Саней специально приехал.

Иду к девчонке. Она целиком и полностью погружена в гонки. Это, наверное, хорошо. Если мужик и правда по ее душу, она начнет переживать, а нервные девчонки – это атас. Я понятия не имею, как она среагирует, поэтому надо как-то ее предварительно обезвредить, что ли. Подхожу со спины, закрывая собой от любопытного мужика. Внутри прорастает ревность. Меня бесит, что кто-то смеет смотреть на Сашку с явным намерением уединиться с ней. В том, что у этого хлыща на нее какие-то виды, я не сомневаюсь. Только вот она для него мелкая совсем. Она для меня-то девчонка, а мужик явно старше.

Упираю руки с бутылками газировки по обе стороны от Сани. Она вздрагивает, когда я оказываюсь слишком близко. Прижимается спиной к моей груди, и меня сносит лавиной из острых и ярких ощущений. Сашка выпрямляется и поворачивает голову в мою сторону. Взгляд мечет молнии, а я пьянею от ее грозного вида. Такая она горячая, как разъяренная валькирия, готовая сравнять с землей любого. Сейчас опять какую-нибудь гадость скажет или, того хуже, ударит. Эмоции у меня зашкаливают. Стоило ей оказаться под пристальным вниманием другого, как у меня слетела крышечка.

– Не буянь, – предупреждаю. – Я для дела.

– Только не говори, что это дело – меня облапать, – шипит, но делает это так соблазнительно, что в моих штанах вдруг

становится тесно.

Плохой знак. Очень плохой. Закрываю глаза и втягиваю воздух через нос. Черт. Не помогает. Становится еще хуже, потому что я буквально дышу ею. И уже представляю, как наматываю на кулак этот длинный хвост, а свободной рукой сминаю ее задницу. Дурацкий тестостерон и нестихающая агрессия. После боя всегда тяжело успокоиться и вернуться к стабильному состоянию, поэтому обычно до конца вечера я предпочитаю лежать в кровати и не делать ничего или крутить гайки в гараже. Избегаю провокаций всеми возможными способами. Саша же вся сплошная провокация.

– Нет. Угомонись, – легонько пихаю ее плечом. – У тебя здесь есть еще знакомые, кроме нас с Савой?

– Почему ты спрашиваешь? – вопросом на вопрос.

Ну конечно, Саша не может быть нормальной даже пять секунд. Но сейчас мне это нравится. Граната без чеки, которая может взорваться в любой момент. Я сам такой же.

– В паре метров стоит какой-то мужик и пялится на тебя. Пытаюсь понять: он просто хочет закадрить малолетку или проверяет, знает тебя или нет.

– Как он выглядит? – Голос дрожит. Саня напрягается и вытягивается как по струнке. Ее страх осязаем. Что-то тут нечисто.

– Повернись и посмотри. Только не пались, сделай вид, что делаешь это для меня, а не для него.

Она кивает. Проходит пять секунд, не меньше, прежде

чем Саша невыносимо медленно поворачивается в моих руках. Я не упрощаю ей задачу – замираю в одной позе, так что ей приходится коснуться грудью моей груди. Мы застываем глаза в глаза. Такое уже было, но дежавю не приходит. Вместо этого появляется что-то другое – теплое, мягкое и необъяснимое. Ее испуганный взгляд делает со мной что-то невообразимое – я готов придушить этого хлыща только за то, что он пугает Сашу, превращая ее в олененка в свете фар.

Саня нервно улыбается, тут же опуская уголки губ. Взгляд ее скользит по моей шее, подбородку, застывает на губах на секунду дольше. Потом нос, глаза. Опять зависаем. Она облизывает свои губы, и я тяжело сглатываю, потому что тоже хочу. Дыхание смешивается, воздух между нами становится вязким и горячим.

Она стреляет взглядом в незнакомца, безошибочно определяя его местоположение. В ее глазах отражается первобытный ужас. Она вцепляется в мою футболку на груди, смотрит на меня умоляюще. Дышит неглубоко и часто – паникует.

– Уведи меня, пожалуйста, отсюда, – шепчет, глотая звуки, но я все равно разбираю.

– До конца гонки пара минут. Точно не хочешь досмотреть? – Я стараюсь держаться невозмутимо. Самого изнутри разрывает. Кто этот тип? Что ему нужно от Саши? Почему она так его боится?

Я уже просчитываю варианты, как выйти отсюда так, чтобы пижон не пошел за нами. Здесь есть пожарный выход, как

раз в служебном помещении. Можно пойти туда и спуститься по другой лестнице, а дальше коридорами выйти через запасной выход и уйти со стадиона незамеченными.

– Точно, – часто-часто кивает и гладит мою грудь, то ли успокаиваясь, то ли уговаривая меня. Сдохнуть можно от кайфа, я на самых лучших эмоциональных качелях. – Гордей, прошу, давай уйдем прямо сейчас.

* * *

Мне требуется несколько секунд, чтобы оценить обстановку и перестать получать удовольствие от того, как прижимается ко мне Саша. Сейчас вообще не время думать об этом, но я интуитивно обнимаю ее, закрывая своими руками от всего мира.

– Сань, Санька, посмотри на меня, – прошу максимально мягко. Уходить сейчас, когда до финала две-три минуты, никак нельзя. Нас точно заметят. Она поднимает голову. В ее глазах стоят слезы, губы поджаты, а на лице застывает мольба, смешанная с первобытным ужасом. – Нам нужно дождаться финала, иначе он за нами пойдет. А так, пока все будут орать и скакать, тихо уйдем. Ты слышишь?

Она рассеянно кивает. Не понимает ни черта. Злюсь, мысленно ругаюсь.

– Сейчас развернись и досмотри гонку. Давай, нужно взбодриться. И выпей воды. Что будешь: колу или лайм?

– Колу, – сипло отзывается, продолжая за меня цепляться.

Я разворачиваю ее и вжимаю лопатками в свою грудь, обхватываю поперек живота. Мысли коротит от тесного контакта, но я все равно пытаюсь сосредоточиться на том, как нам уйти. Хотя бы кто-то должен сохранять рассудок максимально трезвым.

Открываю бутылку с лимонадом. Краем глаза смотрю на трек. Ребята заходят в предпоследний поворот. Осталось чуть-чуть, меньше минуты даже. Этот трек все уже знают наизусть, и Сава в том числе, – он наконец вырывается вперед. Но просто идти первым недостаточно. Нужно еще и победить.

– Давай, маленькими глотками, – наклоняюсь к ее уху и дурею от запаха. Сладко, вкусно, хочу попробовать.

Встряхнув головой, выпрямляюсь. Нельзя. Не сейчас. Вообще никогда.

– Он победит... – Она шепчет, но я все равно слышу, потому что ловлю каждое ее движение и каждый звук.

Наклоняюсь, снова попадая в ловушку, из которой уже не выбраться целым и невредимым. Меня будто зажимает в тисках.

– Еще немного, и узнаешь. Уходим сразу, как машины проедут линию финиша, – держу ее в курсе моего плана, не давая провалиться в разрушительные мысли, хотя что-то подсказывает, что Саша в них тонет.

Она продолжает жаться ко мне с такой силой, словно я

способен ее спасти от всех бед. И мне очень хочется оправдать ее невысказанные надежды.

– Как скажешь. – Она слабо кивает.

Дальше время словно замедляется. По ощущениям, я целый час смотрю, как Сава первым пересекает линию финиша. Саша улыбается, но как-то вымученно, и снова поворачивается ко мне лицом. Столько в ней всего сейчас, что меня в самое сердце поражает.

Приобняв ее за плечи, веду к служебке и пожарной лестнице. Я угадал – здесь началось сумасшествие. Люди скачут, визжат, сбиваются в кучки, радуясь победе, словно это не тренировочный заезд, а настоящее состязание. Все разворачивается по классическому сценарию, и в этот момент мы покидаем всеобщее веселье. Я переплетаю наши пальцы, точно добровольно подключая себя к высоковольтной линии электропередачи. Скоро закоротит, но я надеюсь, это случится после того, как Сашка окажется в безопасности. Держусь только на этом.

Когда я толкаю дверь служебки, сердце пропускает удар. Здесь полумрак: никого особо не заботит нормальное освещение, но минимум на случай пожара соблюден. Саша молчит, даже непривычно, что она такая тихая. Девочка-ураган превратилась в штиль, чего я хотел с нашей первой встречи, только теперь мне это ни капельки не нравится.

Мы идем коридорами, я подсвечиваю дорогу фонариком телефона и ориентируюсь по указателям. Стрелочки выво-

дят нас под трибуны. Видимо, я где-то затупил. Бегло осматриваюсь. Тут мы тоже смешиваемся с толпой, хоть и идем в противоположную сторону.

– Бес, ты не заблудился? – окликает меня кто-то.

В паре шагов от нас стоит Виталя, наш механик, и я выдыхаю с облегчением. Саша растерянно смотрит то на него, то на меня. Вит опускает взгляд на наши сцепленные руки. Девчонка хмурится и жметесь ко мне, точь-в-точь испуганный ребенок.

– Ты на машине? – спрашиваю в ответ, игнорируя его вопрос. Виталя удивленно поднимает брови. – Это сестра Савы, мне срочно нужно отвезти ее домой. Потом верну машину, куда скажешь.

Имя действует моментально. Не то чтобы я когда-то просил у Витали тачку, чтобы закадрить девушку, но реакция вполне объяснима. Кивнув, он достает из кармана ключи и протягивает мне.

– Спасибо, – бормочет Сашка и вяло улыбается.

– Буду должен.

– Заправь до полного.

Мы пожимаем друг другу руки и расходимся.

Машину нахожу сразу – Вит всегда паркуется в одном месте. За нами никого нет, мы вдвоем здесь, но я все равно, посадив Сашку в салон, дополнительно осматриваюсь.

До дома доезжаем за рекордно быстрое время. Я ничего не спрашиваю, не до меня ей сейчас, и, если честно, не мое

это дело. Да и вряд ли она расскажет, даже если расспрашивать. Эта скорее будет держать язык за зубами до последнего. Отстегиваю ремень безопасности и ставлю машину на ручник. Саша так и сидит, как приклеенная. Смотрю на нее, снова касаюсь, на этот раз плеча. Потребность ее растормозить растет в геометрической прогрессии. Мне нужно, чтобы она ожила и вернулась в нормальное состояние, пусть в нем она и бесит меня до одури.

– Проводить тебя до квартиры? – догадываюсь, почему она продолжает сидеть.

– Пожалуйста. – Сашка поджимает губы и прячет застывшие в глазах слезы.

– Эй, эй. За нами никто не ехал, ты со мной и ты в безопасности. Видела же, как я дерусь, – пытаюсь пошутить, но выходит отстойно – Сашка еще больше пугается и прижимает ладони к груди. – Ну чего ты? Не собираюсь я больше никого сегодня бить. Если только не попросят, конечно. И тебя в обиду не дам.

Саня всхлипывает. Да-а, я умею успокоить. Обращайтесь, служба поддержки «Бездушный Бессонов»: от радости до глубокой депрессии пара слов.

– Так, давай-ка выходи из машины. Нечего тут реветь на виду у соседей, – выбираюсь первым. Обойдя тачку, открываю дверцу и подаю руку.

Она чуть не плачет, а у меня мозги плывут. Что за странный эффект женских слез? Хотя нет, дело в том, что это

ее слезы. Ноющих девиц я видел предостаточно, а изнутри скребет только от Сашки.

Снова сжимаю ее руку в своей. Захожу в подъезд. Тут тоже пусто. Поднимаемся на лифте, я торможу перед их дверью. Санька смотрит на меня, вниз по щеке срывается слезинка, которую она сама же быстро стирает.

– Можешь подождать Савелия тут со мной? – переминается с ноги на ногу.

Мои слова подобны выстрелу себе же в ногу, но я все равно их произношу, потому что не хочу оставлять ее одну:

– Давай подождем.

Глава 10

В просторной гостиной быстро становится душно. Это из-за неловкости и напряжения, витающего между мной и Сашей. Она садится на диван, я падаю в кресло. Так нам находиться на одной территории комфортнее. Мы не друзья – просто в сложной ситуации я оказался рядом и смог помочь. А теперь я всего лишь жду ее брата, чтобы после уехать. Пишу Савелию сообщение, что я отвез Сашу домой и жду его тут. Прошу вернуться как можно скорее. Она наблюдает за мной лишь изредка, больше рассматривает свои дрожащие пальцы и глотает слезы, сдерживаясь из-за меня.

– Сань, расск...

– Нет, не спрашивай, пожалуйста, – качает она головой и резко вскакивает. Отходит к окну, задвигает штору, отрезая нас от света уличных фонарей.

Она заламывает пальцы и, обернувшись, долго смотрит сквозь меня. Мне становится не по себе, но я не двигаюсь – не провоцирую новый приступ истерики. Санька потерянная, и как ее найти, я не представляю. Да и не уверен я, что у меня получится. Между нами ноль доверия, и на ее месте я бы тоже отказался от помощи.

– Может, потом как-нибудь расскажу тебе. Пока давай просто помолчим.

Она так и стоит у окна, больше не двигается. Как статуя.

Поднявшись, иду на кухню и делаю нам чай. Зачем – не знаю. Наверное, хочу занять чем-то руки, чтобы не наделать еще больших глупостей. Краем глаза слежу за девчонкой: стоит. Кажется, даже не дышит. Вперила взгляд в одну точку. Жутковатый видок.

Что должно произойти в один миг, чтобы превратиться из вздорной девчонки в сомнамбулу? Она кому-то бабок должна? Вроде Савелий говорил, что их отец – влиятельный и неприлично богатый человек. Судя по машине, на которой гоняет Саша, так и есть. В чем же тогда проблема? Накосычила по-крупному и сбежала из дома от гнева отца? Ну не разыскивает же он ее тут, в самом деле! Это уже совсем бред какой-то.

Взяв одну чашку, иду к Сане. Она не смотрит на меня, но вздрагивает, когда я попадаю в поле ее зрения.

– Возьми, – осторожно передаю ей кружку. – Только аккуратно, горячий. С медом и лимоном.

– Ничего себе... – на выдохе и потрясенно. Уголки моих губ приподнимаются в улыбке. Саша протягивает руку – пальцы немного дрожат, – а затем касается моей ладони. Ее кожа – лед, на контрасте с горячей керамикой ощущается особенно сильно.

Обхватываю ее запястье, тоже холодное. Быстро трогаю щеки и кончик носа. Девчонка морщится и пытается отстраниться, но я не позволяю. Всучив кружку, усаживаю на диван.

– Пей, а потом дуй в душ греться.

– Окей, папочка, – произносит и тут же кривит губы. –

Что еще сделать?

– Не лезть в неприятности и не бесить меня? – предлагаю с усмешкой.

Кажется, после чая она начала оживать, и я вместе с ней. До этого даже дышал наполовину.

– За такое чаем не рассчитаешься, – улыбается в ответ, отвешивая мне ментальный апперкот.

В мозгу звездочки, а перед глазами только Сашка. И в этот момент я готов отдать все, что у меня есть, чтобы мы продолжили наш разговор:

– Пришли мне свой прайс.

– Если это способ взять мой номер телефона...

– Просто запиши, – пожав плечами, протягиваю свой мобильный.

– Ни за что, – качает головой. В глазах появляется озорной блеск. А мои, наоборот, тухнут. В смысле ни за что? Я лицом не вышел или чем еще? Я вообще-то ее задницу спас от неприятностей и даже не настаивал на объяснениях. – Мы не друзья, Гордей. – Саша прикусывает губу, но та выскальзывает из плена зубов. Наблюдаю за этим, как в замедленной съемке.

Не друзья, тут она права. Друзей не хотят поцеловать. Я не знаю, что влияет на мои желания: полумрак в гостиной, отсутствие каких-либо отношений на протяжении долгого вре-

мени, дерзкий характер Саши или ее манящие губы, но факт есть факт. Мне хочется их попробовать – укусить, облизнуть и поймать ответ.

– Но соседи. И я лучший друг твоего брата.

– Если мне понадобится помощь, я постучу в твою дверь.

– Заметано, – киваю.

Нужно отступить, пока не наделал глупостей. Просто сделать два шага назад, чтобы грудь перестало распирать и мысли упорядочились.

Мы снова замолкаем. На этот раз в тишине есть что-то умиротворяющее. Иногда посматриваем друг на друга, точнее Саня на меня – я на нее безостановочно пялюсь. Красивая она, даже колючий язык ее не портит. Ладная, волосы нереально густые и очень мягкие, до сих пор вспоминаю, как приятно они ощущались. И вроде ничего в ней нет особо выдающегося, взгляд же опять колючий, но меня тянет, причем сильно.

– Ты до сих пор дрожишь, – подмечаю я трясущуюся в руках чашку. – Холодно?

– Неловко. Ты все время смотришь, – ведет плечом и отводит взгляд. На щеках проступает румянец. В момент становится жарко.

– Не могу ничего с этим поделать, – признаюсь, потому что впервые не хочется врать и строить из себя какого-то суперсоблазнителя, готового флиртовать в любое время, стоит только красивой девочке дать зеленый свет. Нет, тут вообще

что-то другое, причем такое, чему я сам не могу определить название.

– Ты ведь не ждешь от меня объяснений, правда? – спрашивает с надеждой, что я не полезу в душу.

– Не жду.

– Хорошо, – выдыхает с явным облегчением и вдруг сосредотачивает внимание на мне. Набирает в грудь побольше воздуха, словно собирается с духом. Но тут же выдыхает и начинает говорить только после третьего вздоха: – Ты сегодня красиво стоял на парковке, когда мы только приехали.

Красиво стоял? Что за девчачий бред! Я уже хочу перебить, но заставляю себя сидеть молча и слушать. Ей нужно выпустить пар и переключить внимание, и если я, ерунда какая-то, красиво стоял, то пусть так, лишь бы Саша перестала вести себя как собственная тень.

– Я художница, – поясняет она, заметив мое замешательство. – И ты стал референсом.

– Рефе... Чем?

– Референсом, – повторяет с легким смешком. – Примером. Там была хорошая поза, я додумала пару деталей и сложила образ плохого парня с района со сбитыми кулаками и разбитым сердцем. – Это описание идеально попадает в меня до части с разбитым сердцем. Оно функционирует отлично и не сбивается с ритма при виде девушки. Не сбивалось. До сегодняшнего дня. – И я подумала, что можно сделать комикс или типа того. Начну с пары иллюстраций, и если под-

писчикам понравится, то подумаю над историей...

– Ты хочешь нарисовать меня? – удивляюсь, останавливая речевой поток.

– Что? Нет! Референс, образец – не копия. Просто ты на толкнул меня на мысль, сам того не зная, и я решила поделиться. – Она снова тараторит, не вызывая сейчас ничего, кроме умиления. Так вот какая она настоящая. – Но если ты против, я не буду. Тебя снимает несколько камер во время боя, я не думала, что это имеет значение...

– Я не против, – пожимаю плечами, развеивая общую неловкость. – Покажи, что в итоге получится.

– Ладно.

Мы снова погружаемся в тишину. Разговор не клеится. У нас нет общих тем. Расспрашивать Сашу о творчестве кажется неуместным, делиться чем-то своим... не то чтобы у меня был миллион историй.

Душещипательная история о сироте – не лучшая тема, говорить о том, как я попал на бабки, – тоже не вариант. О том, как ковыряюсь в тачках, – скучно, а о гонках она знает от Савелия. С какой стороны ни взгляни – я неинтересная тема для девчачьих обсуждений. Прикрываю глаза, ненадолго расслабляясь. В тишине комфортно, а Сашино сопение сбоку усыпляет.

Не знаю, сколько мы так сидим. Минуту, пять или больше. Умиротворяюще. И больше никаких эмоциональных всплесков. Поставив кружку на пол, Саша резко встает. Я подни-

маюсь следом. Всматриваюсь в ее удивленное и покрасневшее лицо. Делаю шаг ближе. Ей бежать некуда – за спиной диван. В легких – сладкий запах ее духов, перед глазами – она с головы до ног. Меня ведет, как после мощного удара. Мне будто зарядили под дых и добавили еще сверху по голове, чтобы закрутило со всех сторон. Безумие, но я концентрируюсь только на девчонке передо мной, у которой щеки уже пунцовые.

– С тобой все нормально? – задаю вопрос самому себе, но вместо меня говорит Саша.

– Ты был прав, – произносит она едва слышно.

Горячее дыхание касается моего лица. Всего лишь мед с лимоном. Почему это так вкусно ощущается?

– Мне до сих пор холодно, – врет слишком явно. – Я, наверное, в душ. Там согреюсь. – И, не дождавшись моего ответа, юркает в сторону и скрывается за дверью ванной, оставляя меня в отрезвляющем одиночестве.

Я так и стою посреди комнаты, пялюсь на дверь. Слышу шум воды. Саша точно плещется и наверняка закрылась. Я не собираюсь вламываться, но проверить, не пренебрегла ли она личной безопасностью, хочется. А если оставила открытой? Это можно считать приглашением или нет? Мне же тогда кран окончательно сорвет, и я залезу к ней под воду. Нет. Этот вариант недопустим. Поэтому я просто падаю на диван и тру руками лицо. Что за чертовщина? Почему вдруг кругом одна девчонка? Я знаю ее всего-то пару дней, за которые

она успела проехать пару километров по моим нервам.

Выдыхаю и прикрываю глаза. Не сплю, слышу все, что происходит вокруг. Минут через пять в замке проворачивается ключ.

Савелий включает свет. Ярко так, что глаза слезятся. Прикрываю их ненадолго, настраиваясь на новые условия, и только потом встаю, собираясь уйти.

– Где Саша? – спрашивает друг недовольно и осматривается, как ищейка.

– В душе.

По стремительно темнеющему от злости взгляду Савы считываю неоднозначность своего ответа. Только вот мне оправдываться не за что, мысли пока еще никто не научился читать. Да и в них не было ни грамма неприличного. Почти.

– Я даже не буду спрашивать, чем вы занимались, просто скажу, что ничего не должно повториться. – Он снимает кроссовки и идет на кухню. Наливает воду в стакан, выпивает в три глотка и доликает еще.

– Это если что-то было, – поправляю уклончиво.

Никогда прежде у нас не было подобных проблем с Савелием. Девчонок мы обычно не делили, сразу выбирали разных, когда оказывались в одной компании. Конечно, раньше речь не шла о его сестре, но в отношении Саши я безгрешен.

– Лучше не продолжай. – Савелий резко втягивает воздух и трет переносицу. – Почему вы уехали?

– Она увидела какого-то мужика, испугалась, попросила

ее увезти. Я увез. – Ощущение, будто я на допросе. – Когда приехали, ей все еще было страшно, она попросила остаться и дожидаться тебя. Я согласился.

– И утешил? – рвет и мечет Сава.

– В чем твоя проблема? – не ведись на его провокации.

– Это моя сестра, Бес. – Голос спокойный, но в интонациях угроза. Я медленно ставлю бутылку молока обратно в холодильник. – Сестра. Не какая-то девочка-фанатка. Ты не можешь втягивать ее в свои игры. Не тогда, когда на тебе висит долг, Гордей. Честно говоря, я бы радовался, если бы сестра нашла кого-то вроде тебя, правда. Но она же влюбится в два счета, а потом будет страдать. Так что пока ты не разберешься со всем дерьмом в «Голде», на Сашку даже не смотри. Это ясно?

– Как божий день, – закатываю глаза.

Становится некомфортно в обществе друга. И не потому что он защищает сестру, вовсе нет. Сава прав. Жених из меня сейчас так себе. Если не выиграю в этом сезоне, придется остаться еще на один, потом еще, и так пока не погашу весь долг. На меня всегда будут давить, а если я буду с кем-то встречаться, то где гарантии, что в нужный момент не надавят на девушку, чтобы добраться до меня? Я всегда это хорошо понимал и именно поэтому не ввязывался ни в какие отношения, даже если очень хотелось.

Впервые в полной мере ощущаю свою ущербность. Даже жить нормально не могу из-за дурости, на которую подпи-

сался пару лет назад. Грудную клетку будто в тисках зажимают – вдохнуть не получается. Под сердцем ноет.

– Не надо было вас оставлять, – выдыхает с сожалением Савелий.

– Знакомить тоже. Я тебя услышал, Сава, – бросаю холодно. Не знаю, чего так завожусь. Я ведь и не планировал ничего с Сашей. Просто сестра друга, просто раздражающая девчонка по соседству, которой меня навязали в няньки на полвечера. Но стоило плоду стать запретным, как я захотел его себе. – Я тогда пойду. Не буду мешать воссоединению семьи, – кивнув, двигаю к выходу из квартиры.

Дверь ванной открывается и мне навстречу, окруженная паром, выплывает нимфа в розовом полотенце. Смотрю на ее покрасневшие щеки, на бегущие по плечам капли воды. Подавляю неуместный порыв собрать их языком с нежной кожи, вместо этого сглатываю слюну. Сашка испуганно смотрит на меня и хватается за край полотенца, чтобы оно ненароком не соскользнуло с груди. Быстро осматриваю ее с ног до головы, впитывая нежный образ. Саша отступает на два шага, сводит колени, глаза бегают между мной и братом. Усмехаюсь и подмигиваю ей. Все, что было между нами несколько минут назад, в моих мыслях становится прекрасным воспоминанием. На Сашку же это давит. Ей опять неуютно, и я с трудом держусь, чтобы не коснуться ее лица пальцами. Не погладить щеку, не приподнять подбородок и не пересчитать искорки, которые вспыхнут во взгляде. Но

я только отступаю, давая ей необходимое пространство для вдоха, и иду к двери. Не переживай так, малыш, твой брат сказал, ты не для меня, и мы примем это как аксиому.

Глава 11

Неделю спустя

Иногда жить со старшим братом в разы хуже, чем с отцом. Потому что папиного терпения не хватает и он, взбесившись, уходит, надеясь, что я поступлю именно так, как он и сказал. И тогда можно делать что угодно, все равно я остаюсь без надзора.

С Савелием это не работает. Он контролирует каждый мой шаг: за пределы квартиры я вообще не выхожу одна. С того дня неделю назад мой обожаемый брат превратился в самого ужасного надзирателя. Без него вздохнуть нельзя свободно. Теперь он знает обо мне вообще все: как зовут моих подруг, что я рисую по вечерам, как долго играю в «Клуб Романтики». Вчера я вообще думала, что мы всерьез будем спорить из-за того, каких фаворитов мне стоит выбрать.

Брат у меня, конечно же, все выпросил. Больше не было смысла скрывать – не после того, как я прорыдала полвечера. Я рассказала все: и как в последний год жить с папой стало невыносимо, потому что он решил превратить меня в свой бизнес-актив, и как я таскалась по мероприятиям, на которых до этого никогда не была, и как мы ругались, когда

я заявляла, что продолжу рисовать и ни за что не стану жить по его указке. Последней каплей стало папино решение выдать меня замуж.

Мы поругались не так давно, долгое время между нами были просто прохладные напряженные отношения: здоровались-прощались, иногда обедали или завтракали вместе. Ужины у нас всегда проходили порознь, потому что папа занимался своими делами, предоставив меня самой себе. Наверное, то время я могу назвать лучшим. А потом случился тот самый вечер. Мы с подружками собирались погулять и зайти в кафешку. Я нарядилась в платье, сделала укладку и мейк, в общем, подготовилась по полной. Телефон разрывался от сообщений: я опаздывала катастрофически. Хотела поехать на своей машине, но папа предложил взять водителя, и я согласилась, подумав, что это шаг мне навстречу и способ помириться.

И вот когда я спускалась со второго этажа, папа вошел в холл с каким-то молодым мужчиной. Выглядел он отлично: ухоженный, с подтянутым телом – в общем, такие в соцсетях на камеру улыбаются и позируют. Папа познакомил меня с Алексеем. Кроме пары комплиментов в тот неловкий вечер ничего не было. Я убежала к подружкам, папа остался дома и даже дождался меня поздним вечером.

На следующий день Алексей приехал к нам на барбекю. Папа любил устраивать подобные посиделки с друзьями. Алексей ухаживал за мной – подкладывал мясо на тарелку

и доливал вино в бокал. Словом, был галантным, как ему и полагалось. Утром я получила от Алексея букет цветов и записку о том, что я его очаровала. Днем он приехал к нам домой и открыто, прямо при папе, пригласил меня на свидание. Теперь-то я знаю, что мне следовало отказать, а тогда... стало как-то неловко. Он так заморочился, и отшивать взрослого мужчину – я к тому времени уже узнала, что ему тридцать один, – при отце казалось неправильным.

Алексей стал за мной ухаживать. Дарил подарки, возил на свидания и ни разу, ни разу за все время не попытался меня поцеловать или зайти дальше. Мы держались за руки, он обнимал меня за плечи, но все это было очень... по-детски. Леша говорил, что не может привыкнуть к моему юному возрасту, но отпустить тоже не может. Мне же хотелось большего. Целоваться возле машины, в парке, в ресторане. Да везде! И чтобы он целовал меня тоже везде.

Леша очень красиво ухаживал, мне никогда не дарили столько цветов и подарков. Это был какой-то взрослый уровень и очень роскошный. Обычно дорогие подарки мне дарил только папа на праздники. Единственный ухажер-ровесник как-то порадовал меня букетом из трех роз и тоненьким серебряным браслетом-цепочкой, который я до сих пор храню. И нет, ничего в моем бывшем не было плохого, просто скачок от цветов в целлофане, которые мог себе позволить студент-первокурсник, до неподъемных букетов от взрослого мужчины, не скупившегося на ухаживания, был слишком

быстрым. Реальность была слишком красивой, и я не думала, что мне придется за нее расплачиваться.

Это был обычный день. Я знала, где работает Алексей. К тому моменту я уже сдала все экзамены и ждала вручения диплома. Столько свободного времени, лето в разгаре, и я решила устроить ему сюрприз – приехать к концу рабочего дня и пригласить его на свидание. Впервые я сама проявила инициативу и надеялась, что нас ждет романтический вечер.

Леша стоял возле машины и с кем-то говорил по телефону. Он не мог меня видеть – я подходила со спины, и чем ближе оказывалась и отчетливее слышала разговор, тем тяжелее мне становилось. «Нет, сегодня я без своей малолетки... Да, меня она тоже достала своей наивностью и глупостью... Не могу я ее никуда деть. Ее батя обещает мне повышение, если я женюсь на его дочурке. А дальше он вряд ли зятя станет обижать... Ой, не неси бред. Какая любовь? У бизнесменов любовь только к нулям на счете».

Декорации разрушились вмиг, розовые очки разлетелись стеклами внутрь – осколки впились в кожу. Весь мой мир перевернулся с ног на голову, и я поняла, что, пока живу с отцом, всегда буду для него в первую очередь бизнес-проектом. В тот вечер я не сказала Леше ничего – просто сбежала и прорыдала до утра на плече у подружки. Потом, конечно, собралась с силами и поехала домой. Там я закатила грандиозный скандал, каких не было раньше, била посуду и кричала. Папа тоже сорвался – наорал, а потом схватил меня за

волосы и сказал, что я сделаю все, что он скажет, и выйду замуж за того, за кого он решит.

С того дня мы не разговаривали. Я дождалась своего диплома. После вручения у нас с подружками была запланирована поездка в Сочи. И пока девчонки отдыхали на пляже, я отправилась к брату, потому что не могла вернуться обратно. Но Савелию тоже не получилось сразу все рассказать. Только когда Леша приехал и напугал меня до чертиков. Наверное, хорошо, что это случилось сейчас, а не через пару недель.

– Сань, ты чего там зависла? – слышу голос брата. – Чайник опять полетел? – За неделю это уже второй. Савелий не верит, что дело в розетке, и продолжает тратить деньги на новые электрические чайники.

Встряхнув головой, я часто-часто моргаю, возвращаясь в свою реальность. В целом квартира мне нравится, но уже даже мое любимое кресло вызывает тошноту. И я, кажется, его продавила, сидя безвылазно в одной позе.

– Задумалась, прости. Тебе же черный?

– Ага. Кофе. Без молока.

– Так можно же сварить... – показываю на кофемашину, которой брат за все время ее присутствия тут пользовался ровно два раза: когда делал тестовый запуск и готовил первую чашку кофе.

– Долго. Давай потом, я спешу.

– Куда?

– В мастерскую. У ребят запара. Клиентов полно, не

справляются.

Мои глаза загораются так сильно, что их свет долетает даже до Савелия. Он обреченно вздыхает, зная, что за этим последует. Я подлетаю к нему и хватаю за руки, обнимаю за плечи и смотрю глазами кота из «Шрека».

– Савушка, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, возьми меня с собой.

– Саш...

– Я буду сидеть тихо, как мышка, обещаю. Пожа-а-а-а-а-алуйста. Я уже не могу находиться дома. Меня скоро тошнить начнет от отсутствия разнообразия. Пожалуйста, Савушка, обещаю не мешать и быть незаметной вообще для всех. Сяду тихонько в уголочке и буду рисовать.

– Ладно, поехали, – сдается мой непоколебимый брат, и я радостно висну на его шее и верещу. – У тебя пять минут на сборы.

* * *

Пока мы едем, осматриваюсь. Я сжимаюсь на сиденье, стараюсь слиться с ним. Оказалось, я не готова к такому марш-броску. Вокруг люди. Да, они за пределами машины, но я теперь маниакально ищу в каждом лице Алексея. Внутри все сжимается, и меня бросает в холодный пот, когда я замечаю мужчин, похожих на моего навязанного жениха. Потом только понимаю, как это глупо. Папа не звонил, номер Алексея в

блоке, но мне бы пришли уведомления, если бы он пытался со мной связаться, а я не получила ничего за целую неделю, и значит, мои волнения напрасны. Савелий никак не комментирует мои выкрутасы, и я наивно надеюсь, что он их просто не замечает, а может, наоборот, все видит и просто позволяет мне переварить эмоции в одиночестве. За что, кстати, огромное ему спасибо.

Когда доезжаем до гаража, я уже изрядно нервничаю. Все-таки надо было сидеть дома и надеяться, что Алексей не заявится туда, а если заявится, то быстро уйдет, потому что в квартиру я его не впускаю. Здесь же... слишком много открытого пространства.

У гаража с десяток машин. Ворота открыты. Внутри шумно, встать тоже особо негде, поэтому Савелий паркуется чуть дальше. Когда оказываюсь на улице, делаю глубокий вдох. Нет, оставаться в квартире было бы неправильно. И хорошо, что мне хватило смелости приехать сюда.

– Ничего себе, – выдыхаю, осматриваясь. Машины самые разные, группа мужчин стоит за территорией гаража и курит, в руках у них жестяная банка, куда они бросают окурки. – У вас так всегда?

– Частенько, – пожимает плечами Савелий и приобнимает меня. – На рожон не лезь только. Пошли, никто тут тебя не покусает.

– Даже ваш пес? – смеюсь.

Собака, кстати, дрыхнет на солнышке, видимо смирив-

шись с наплывом посетителей.

– Это Пирс. И он добряк почти всегда. – Брат уже с кем-то здороваётся, но говорит недолго, все время поглядывает на меня и медленно ведёт к гаражу. Когда его кто-то окликает в очередной раз, он кричит в ответ, что вернется через пять минут. – Так, давай я проведу тебя внутрь, побудешь там. На втором этаже у нас есть комната отдыха и небольшая кухня, можешь сделать себе чай-кофе. Как разгребусь здесь, приду за тобой.

– О нет, спасибо. Я уже сидела в квартире неделю. – Здесь, может, и не самая потрясающая и интеллигентная компания, но в гараже и во дворе столько жизни, что я захлебываюсь эмоциями, которых слишком много вокруг.

Мы наконец заходим в гараж. Здесь прохладнее, чем на улице, хотя ворота боксов открыты настежь. Просто не греет солнце, и этого уже достаточно. Тут тоже суета. Что-то грохочет, где-то кто-то громко возмущается. Я не сразу понимаю, что это голос из-под машины. Ого, там еще и яма какая-то есть?

Внизу горит лампа, я склоняю голову, надеясь что-то разглядеть. Ругань становится все громче.

– Отойди-ка в сторонку, – просит меня какой-то парень в форме. Делаю два шага вбок. – Сава, вали переодевайся, нам через час нужно четыре тачки отдать. – Он тащит тяжелый ящик, по всей видимости с инструментами, и продолжает болтать.

– А готово сколько?

– Ноль. Слышишь же, – кивает вниз, туда, откуда все еще доносится недовольный бубнеж.

– Ну, что там? – Савелий садится на корточки, пытается заглянуть под капот машины.

– Все плохо тут. Не слышишь, что ли? Выхлоп гнилой, я варю, он в другом месте начинает пропускать. Ник, сядь погазуй. А ты иди сюда, глянешь. Глушитель бы поменять полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.